

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский университет)»
Институт открытого и дистанционного образования
Кафедра «Управление и право»

РАБОТА ПРОВЕРЕНА

Рецензент

Руководитель следственного комитета

г. Верхний Уфалей

_____ Е.С. Быков

18.06.2018 г.

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ

Заведующий кафедрой

_____ А.А. Демин

22.06.2018 г.

Убийство: понятие, признаки и отграничение от иных преступлений

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
ЮУрГУ – 40.03.01.2018.90208 ВКР

Руководитель работы

доцент кафедры УУИПК

_____ М.А. Горбатова

20.06.2018 г.

Автор работы

студент группы ДО–525

_____ Н.Е. Севостьянова

20.06.2018 г.

Нормоконтролер

ст. преподаватель кафедры УиП

_____ Е.Н. Бородина

21.06.2018 г.

Челябинск 2018

АННОТАЦИЯ

Севостьянова Н.Е. Убийство: понятие, признаки и отграничение от иных преступлений. – Челябинск: ЮУрГУ, ДО–525, 75 с., библиогр. список – 111 наим.

Объект выпускной квалификационной работы – общественные отношения, урегулированные нормами уголовного законодательства, обеспечивающие безопасность жизни человека.

Цель работы – исследование уголовно-правовой характеристики убийства, а также решение вопросов, связанных с его отграничением от смежных составов преступлений.

В работе исследована эволюция уголовной ответственности за убийство в российском и зарубежном уголовном праве; изучено понятие убийства по действующему законодательству; рассмотрены различные виды «простого» убийства, встречающиеся в правоприменительной практике; проведен юридический анализ состава простого убийства; выработаны критерии отграничения убийства от смежных составов преступлений.

Результаты работы имеют практическую значимость, содержат выводы, практические рекомендации и предложения автора по совершенствованию ст. 105 УК РФ и практики применения данной нормы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	6
1 ПОНЯТИЕ УБИЙСТВА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ.....	8
1.1 История уголовной ответственности за убийство.....	8
1.2 Понятие и виды убийства по УК РФ.....	19
1.3 Ответственность за убийство в зарубежном уголовном праве.....	29
2 УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УБИЙСТВА.....	37
2.1 Анализ объективных признаков убийства.....	37
2.2 Анализ субъективных признаков убийства.....	46
3 ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА.....	52
3.1 Квалификация неоконченного убийства.....	52
3.2 Отграничение убийства от смежных составов преступлений.....	58
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	68
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	70

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы выпускной квалификационной работы определяется тем, что жизнь, как естественное благо и ценность человека, является важнейшим объектом уголовно-правовой охраны. Неотъемлемость права каждого человека на жизнь зафиксирована в ст. 6 Международного пакта о гражданских и политических правах, там же указывается на необходимость всемерной охраны личности законом, на недопустимость посягательства на жизнь другого человека¹. Особая ценность личности, право каждого человека на жизнь закрепляются и во Всеобщей декларации прав человека². Право на жизнь – одно из основных прав человека, закрепленное и гарантированное ст. 20 Конституции Российской Федерации³.

Однако в реальной действительности жизнь людей во все времена и у всех народов подвергалась безжалостному уничтожению (войны, катастрофы, несчастные случаи и др.). Особое место среди опасностей для человеческой жизни занимают убийства.

Согласно сведений Портала правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ, в 2010 г. в Российской Федерации было зарегистрировано 15 563 убийств и покушений на убийство (в Челябинской области – 472), в 2011 г. – 14 305 (в Челябинской области – 438), в 2012 г. – 13 265 (в Челябинской области – 388), в 2013 г. – 12 361 (в Челябинской области – 403), в 2014 г. – 11 813 (в Челябинской области – 361), в 2015 г. – 11 325 (в Челябинской области – 356), в 2016 г. – 10 444 (в Челябинской области – 327), в 2017 г. – 9738 (в Челябинской области – 261)⁴. Несмотря на положительную динамику данных преступлений, говорить о благополучии в сфере противодействия убийствам, по нашему мнению, преждевременно: по итогам 2016 г. Челябинская область по количеству зарегистрированных убийств и покушений на них находится на 12-ом месте.

Наука уголовного права всегда уделяла существенное внимание законодательству об убийствах и практике его применения. Указанной теме посвящены научные труды таких ученых, как Ю.М. Антонян, А.Г. Бабичев, Г.Н. Борзенков, С.В. Бородин, А.А. Жижиленко, Н.И. Загородников, А.Н. Красиков, А.В. Наумов, А.А. Пионтковский, Э.Ф. Побегайло, А.Н. Попов, В.И. Ткаченко, М.Д. Шаргородский и др.

Объект настоящего исследования – общественные отношения, урегулированные нормами уголовного законодательства, обеспечивающие безопасность жизни человека.

¹ Международный пакт о гражданских и политических правах // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 17. – Ст. 291.

² Всеобщая декларация прав человека // Российская газета. – 1995. – 5 апреля.

³ Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. – 1993. – 25 декабря.

⁴ Показатели преступности России. – http://crimestat.ru/offenses_table

Предмет работы – уголовно-правовые нормы отечественного и зарубежного законодательства, устанавливающие ответственность за убийство, а также российская правоприменительная практика в рассматриваемой сфере.

Цель работы – исследование уголовно-правовой характеристики убийства, а также решение вопросов, связанных с его отграничением от смежных составов преступлений.

В соответствии с поставленной целью решаются следующие задачи:

- 1) провести ретроспективный анализ уголовного законодательства, устанавливающего ответственность за убийство;
- 2) изучить понятие убийства и раскрыть его признаки;
- 3) определить виды убийства по действующему законодательству;
- 4) изучить зарубежный опыт в сфере уголовной ответственности за убийство;
- 5) провести анализ состава «простого» убийства;
- 6) отграничить убийство от смежных составов преступлений.

Правовой основой настоящей работы являются: Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс РФ, иные Федеральные законы и подзаконные нормативные акты, а также уголовные кодексы ряда зарубежных стран. В работе учтены разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации по рассматриваемой категории уголовных дел.

В ходе исследования был проведен анализ как официально опубликованной практики Верховного Суда и иных судов РФ, так и неопубликованной практики судов Челябинской области делам об убийствах.

1 ПОНЯТИЕ УБИЙСТВА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

1.1 История уголовной ответственности за убийство

Преступления против жизни на протяжении тысячелетий приковывают к себе внимание не только специалистов-правоведов, но и философов, священнослужителей, историков, да и обычных граждан. Убийство является одним из наиболее древних преступлений. Как справедливо отметил профессор Ю.М. Антонян, «...люди убивали всегда и людей убивали всегда»¹.

«Убийство является одним из наиболее древних преступлений, так библейская заповедь «не убий» запрещает человеку лишать жизни себе подобного, какими бы мотивами и побуждениями не руководствовался убийца. И это не могло не волновать зарождающееся общество и его добропорядочных членов. Вследствие этого не только древнейшие религиозные вероучения, но книги законов всегда выделяли и рассматривали вопрос об убийстве и его последствиях, что в конечном итоге привело к установлению определенной ответственности преступников сначала перед общиной (табу, запреты), а с возникновением государства и перед обществом (признание преступлением)»².

Самыми древними письменными правовыми актами на Руси, где впервые говорится о преступлениях против жизни, являются договоры князей Олега и Игоря с греками. Так в ст. Договора Олега с греками (911 г.) указывается, что «Русин ли убьет Христианина или Христианин Русина, да умрет на том месте, где он совершил убийство. Если же убийца скроется, то будет он домовит, да возьмет ближайший родственник убитого часть убийцы, то есть какая будет ему приходится по закону, но и жена убийцы да получит часть, какая следует ей по закону. Если же сделавший убийство и скрывшийся не имеет собственности, да останется под судом, доколе не отыщется; и вслед за сим да умрет»³.

«Аналогичным образом была изложена ст. 13 Договора Игоря с греками (945 г.). Из этих норм усматривается в качестве наказания кровная месть в тех случаях, когда, во-первых, виновный скроется и после его обнаружения у него не будет имущества для компенсации и, во-вторых, когда убийство преступника следовало совершить на месте его преступления. В дальнейшем в Договорах Новгорода с немцами (1195 г.) и Смоленска с Ригой, Готландом и немецкими городами (1229 г.) наказанием за убийство выступает уплата «денег за голову»⁴.

«Одним из крупных правовых актов Древней Руси, содержащих нормы уголовного права, является Русская Правда. Известно, что она дошла до нашего

¹ Антонян, Ю.М. Криминологические черты агрессивного поведения / Ю.М. Антонян // Агрессия и психическое здоровье / под ред. Т.Б. Дмитриевой и Б.В. Шостаковича. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – С. 35.

² Шаргородский, М.Д. Преступления против жизни и здоровья / М.Д. Шаргородский. – М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. – С. 40.

³ Права человека. История, теория и практика / под ред. Б.Л. Назарова. – М.: РУССЛИТ, 1995. – С. 22.

⁴ Шаргородский, М.Д. Преступления против жизни и здоровья / М.Д. Шаргородский. – М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. – С. 43.

времени в разных списках. Нормы об ответственности за убийство содержались во всех редакциях Русской Правды. Источником Русской Правды был, главным образом, обычай, но кроме обычая им являлись также княжеские уставы, судебные решения». По утверждению Д. Семеновского, П. Колосовского и других авторов большое влияние на развитие русского права оказало византийское право как продукт более цивилизованного народа. Кстати это подтверждают и современные исследователи¹.

В Русской Правде большое внимание уделено убийству. «Однако четкого различия между убийством как преступлением, посягающим только на жизнь человека, и другими преступлениями, где лишение жизни человека было элементом посягательства, не наблюдается. Поэтому Русская Правда устанавливает ответственность за убийство в сваде на пиру и убийство в разбое. При этом имелись и другие несовершенства: так, формулируя составы, законодатель сначала в них обрисовывал только объективные признаки, объективную сторону преступления, ничего не говоря о субъективных признаках. Наличие преступления увязывалось только с фактом причинения смерти потерпевшему».

Отдельные теоретики усматривали в диспозициях Русской Правды указание на неоконченное преступление (покушение). Другие считают, что «юридическая техника не была достаточно развита, чтобы законодатель мог оперировать такими понятиями, осуществляя криминализацию деяния»². В ранний период действия Русской Правды в качестве наказания за убийство допускалась кровная месть. «Жизнь еще не рассматривалась, как публичное общественное благо. Если случалось убийство, то заинтересованное лицо самоуправно применяло к виновной стороне соответствующее принуждение или насилие, которому не предшествовало ни посредничество, ни суд».

Наряду с частным, постепенно развивается и публичное, в том числе, уголовное право. Последнее, как верно отметил Платон, «есть нечто среднее между самым лучшим высшим благом, когда человек может безнаказанно совершать все, что хочет, и самым худшим, величайшим злом, когда человек оказывается не в силах отомстить за причиненный вред».

Публичное уголовное право возводит жизнь человека в обществе в ранг ценности, которую охраняет государство уголовно-правовыми нормами. «Одной из особенностей ответственности за убийство в то время являлось дифференцирование ее в зависимости от занимаемого потерпевшим положения. Оно обуславливалось уровнем имущественного благополучия лица. Так, уголовно ненаказуемым считалось убийство холопа. Лишение жизни таких лиц квалифицировалось как истребление чужой вещи. Их жизнь не рассматривалась как объект уголовно-правовой охраны, то есть за ними не признавалось право на

¹ См.: Цыпин, В. «Кормчая книга» в русском церковном праве / В. Цыпин // Древнее право. – 1997. – № 1(2). – С. 89; Потанина, С. Вспомним о церковном праве / С. Потанина // Российская юстиция. – 1999. – № 6. – С. 55.

² Российское законодательство X–XX веков. Т. 1 / под ред. О.И. Чистякова. – М.: Юрид. лит., 1984. – С. 53.

жизнь. Социальное неравенство при защите жизни было ярко выражено в Русской Правде». Например, за убийство огнищанина, княжьего тиуна или княжьего стадного конюха полагалось 80 гривен, за убийство княжьих отроков, конюхов и поваров – 40 гривен, а за убийство княжьего смерда – 5 гривен. В последующих правовых актах Древней Руси – Судной Псковской грамоте (1397 г.), Двинской грамоте (1398 г.) и др. – также содержались нормы об ответственности за убийство.

В конце XIII – начале XIV вв. русская земля оправлялась от татаро-монгольского ига. «Стал затухать процесс феодального распада и начался процесс образования русского централизованного государства. На том этапе, когда процесс объединения русских земель завершался, возникла необходимость принятия законодательного акта, который бы устанавливал единообразие правового регулирования сложившейся действительности, отношений возникших новых общественных групп – поместного дворянства, купечества, ремесленников, крестьян». Таким правовым актом стал Судебник 1497 г.

«Судебник был составлен на базе нормативных актов, действовавших в разное время на разных территориях. При его составлении были использованы уставные грамоты, Русская Правда. Однако, нормы прежних законодательных актов вносились в Судебник, как правило, уже в измененном виде для действия их в новых условиях, и, кроме того, в Судебник были включены 26 статей, не известных прежним нормативным актам. В Судебнике нашли отражения и произошедшие изменения в области уголовного права. Число деяний, признаваемых преступными, увеличивается, главным образом, за счет посягательств на государственно-публичные интересы. Виды и меры уголовных наказаний становятся жестокими и суровыми. Имущественные санкции за преступления встречаются реже. Наказание преследует цель возмездия и устрашения».

Наиболее значительным нормативным актом в тот период для понимания уголовно-правовой охраны жизни человека явилась «Запись о душегубстве». Ее появление определяется юристами-историками в период с 1456 по 1462 гг. «Согласно этому правовому акту под душегубством понималось не только человекоубийство, но и самоубийство (от своих рук утерется), а также внезапная (без покаяния в грехах) смерть в результате несчастного случая. Из данного положения следует, что жизнь человека государством превращается в абсолют. За посягательства на жизнь преследуется не только убийца, но даже самоубийца. К самоубийцам применялась, как правило, церковное наказание – лишение церковного погребения, похороны вечером или даже ночью, захоронение не на кладбище, а за его пределами, иногда даже у дороги». Основанием для такой реакции на случай суицида служило христианское учение, согласно которому самоубийство есть великий грех.

«Значительным событием в правовой жизни Московского централизованного государства было утверждение Земским собором Уложения 1649 г. Кодифицированные в Соборном уложении законы были составлены для регулирования динамично развивающихся общественных отношений. Уголовное

право приобретает резко выраженный государственно-публичный характер. Частноправовые элементы резко сужаются. Царская власть усиливается. Московскому царю принадлежало право законодательства, суда, управления и верховная военная власть»¹.

В то же время Уложение уделяет большое внимание дифференцированию ответственности преступлений против личности, в частности, посягательствам на жизнь человека. В нем предусматривается ответственность за различные виды убийств: убийство родителей детьми (ст. 1), за что следовало наказание в виде смертной казни без пощады. Значительно мягче наказывалось убийство родителями детей. Очевидно, потому, что по религиозным соображениям родители имели неограниченную власть в отношении своих детей. Наказанием было лишение свободы сроком на 1 год. Местом отбывания наказания была тюрьма. Убийство матерью внебрачного ребенка каралось смертью (ст. 26).

Квалифицированным видом убийства было мужеубийство, которое влекло за собой применение смертной казни путем закапывания преступницы живой в землю по плечи (ст. 14).

«Дифференцировалась ответственность за убийство и в зависимости от формы вины. Умышленное убийство влекло за собой безоговорочно смертную казнь (ст. 72). Неумышленное убийство одним крестьянином другого крестьянина влекло за собой возмещение феодалу рабочих рук, предусматривалась в качестве самостоятельных составов ответственность за подстрекательство и покушение на убийство (соответственно – ст. 8 и ст. 19). В ст. 69 предусматривалась ответственность за убийство в драке, по пьяному делу и, судя по санкции, оно считалось убийством при смягчающих обстоятельствах».

Примечательным в Соборном уложении является то, что за убийство феодалом крестьянина, принадлежавшего другому феодалу – убийца феодал подвергался не торговой казни, а тюремному заключению до государева Указа.

Важным в Соборном уложении является указание о ненаказуемости случайного (невиновного) причинения смерти (ст. 18). Это законоположение, можно сказать, меняло отчасти редакцию Записи о душегубстве, согласно которой, как говорилось выше, любое лишение жизни человека, в том числе случайное, считалось убийством и влекло за собой уголовные санкции. Под понятие душегубства не попадали теперь случаи, когда человек «от своих рук утеряется» и случаи внезапной смерти «без покаяния в грехах».

Данная деталь имела большое значение в деле охраны прав человека от необоснованного уголовного преследования. Приведенная декриминализация выглядит отчасти странной на фоне усиливающегося влияния церкви. Очевидно, законодатель при этом исходил из здравого практического смысла.

«В петровские времена развитие уголовного законодательства предопределялось дальнейшим обострением противоречий между различными общественными группами, классами и обуславливалось проводимыми

¹ Юшков, С.В. История государства и права СССР. Ч. 1 / С.В. Юшков. – М.: Госюриздат, 1961. – С. 290.

государственными преобразованиями. Основная идея проводимых реформ сводилась к фактическому и законодательному закреплению и обслуживанию абсолютной дворянско-чиновничьей монархии. Происшедшие в стране восстание заставили Петра I задуматься о создании нового законодательства. Решать вопросы уголовной политики с помощью Уложения Алексея Михайловича становилось делом безнадежным, поэтому Петр I сам активно участвует в создании новых уголовно-правовых законов. При Петре I они в большей степени, чем в Соборном уложении 1649 г., были пронизаны государственно-публичным интересом». Это касалось не только государственных преступлений, которые в законодательстве появились при Петре I, но и посягательств против частных лиц.

«Артикул воинский и Морской устав при их издании предназначены были быть уголовными законами для военных, но за недостатком общего (гражданского) уголовного законодательства распространялись и на лиц гражданского состояния. Военно-уголовные законы предусматривали жестокие наказания. Смертная казнь предусматривалась в 122 случаях. В Артикуле воинском достаточное место было уделено преступлениям против благ человека. В отличие от Соборного уложения в нем были более определенно сформулированы нормы, предусматривающие ответственность за посягательство на жизнь. В главе 19 Артикула воинского ответственность за убийство четче подразделялась на совершенное умышленно и учиненное по неосторожности. Кроме того, Артикул воинской уже делил убийство на простое и квалифицированное. За простое убийство предусматривалась смертная казнь путем отсечения головы, а за квалифицированные виды, к которым, в частности, относились убийство по найму, из корысти, убийство родителей, «дитя во младенчестве», убийство путем отравления и другие, Артикул предусматривал применение квалифицированного вида смертной казни – путем колесования».

При Петре I вводится в уголовный закон ответственность за убийство на дуэли, которое относилось к числу квалифицированных видов убийств. При этом уголовной ответственности подлежали не только убивший соперника на дуэли, но и секунданты и даже убитый. Труп убитого на дуэли вешали за ноги.

Артикул воинский считал квалифицированным и посягательства на свою жизнь. Однако, законодатель предусматривал ответственность не за всякое самоубийство. Если оно являлось причиной голода, стыда, беспамятства, то лишение себя жизни не считалось преступлением.

Начатая Петром I законодательно-правовая реформа в дальнейшем не получила задуманного им развития¹.

Достойной преемницей Петра I в деле правового реформаторства была Екатерина II. Она поставила себе грандиозную цель – составление нового государственного законодательного Уложения и переустройства общественно-гражданской жизни на совершенно новых началах, выработанных западно-просветительской мыслью. Россию она считала европейской державой со времен

¹ Ключевский, В.О. Русская история. Полный курс лекций. Т. 3 / В.О. Ключевский. – Ростов н/Д: Феникс, 1998. – С. 75.

Петра I и полагала поэтому, что российские законы должны иметь европейские основы.

В Манифесте от 06 июля 1762 г. Екатерина II отметила неуспешные попытки привести русское законодательство в порядок и высказала, что «усмотря все те же предками нашими примеченные неудобства и кои с того времени еще сверх оказались, близ двух лет тому назад начали сами готовить Наказ, по которому должны поступать те, кому от нас повелено будет сочинить просит нового Уложения...». Отдельные части Наказа Екатерины II были, по сути дела, говоря современным языком, Основами уголовного законодательства. Наказ Екатерины II был составлен на базе прогрессивных философско-правовых идей западных мыслителей.

Заложенные в Наказе неизвестные до этого в России идеи были, можно сказать, пущены в научный оборот. Влияние Наказа на формирование научной мысли в России, в том числе и уголовно-правовой, было велико.

«Усвоение и переработка принципов бывших в то время еще достоянием немногих, требовали глубокого, вдумчивого ума, а Екатерина II внесла в Наказ много и своих мыслей. С другой стороны, если Наказ и не получил непосредственного практического осуществления, то он, все-таки, не мог не произвести сильное нравственное реформирующее влияние на тех, для кого он предназначался. Депутаты, взросшие под властью Артикулов и приказной практики, разумеется, не могли создать законоположений, соответствующих предначертаниям Екатерины. Благодетельное влияние наказа сказалось несколько позднее, в начале XIX столетия. Однако, следует отметить, что философско-правовые разработки и труды, содержащие, правда, только уголовно-политические декларации, появились раньше.

В начале XIX в. еще острее чувствовалась необходимость кодификации права. Интенсивное развитие экономико-общественных процессов, разложение феодальных институтов и зарождение новой формации обуславливали принятие новых законодательных актов. Новые законы находились в резком противоречии с правовыми нормами Соборного уложения 1649 г., которое еще не было отменено, и законодательством XVIII в.

В 1804 г. Александром I была учреждена новая, десятая по счету комиссия, которая стала заниматься созданием новых уставов по всем отраслям права. Составленный проект Гражданского Уложения на манер Гражданского Кодекса Наполеона, который считался наиболее передовым антифеодальным законом, встретил критику со стороны реакционных сил. Проект Уложения не был утвержден».

С 1826 г. при Николае I вновь начинается работа по кодификации законодательства Российской Империи. Была проведена большая работа со всем нормативным материалом. Комиссия была вынуждена составить реестр на огромное множество законодательных установлений. Число собранных актов достигло 53 239. Таким образом, к 1830 г. было составлено Полное собрание законов Российской Империи.

«После осуществления работы по созданию Полного собрания законов комиссия приступила к творению свода законов. Задача составления свода законов заключалась не в создании нового Уложения, а в систематическом изложении действующих законов по разным отраслям права. В томе 15 свода законов содержались нормы о преступлениях и наказаниях, а также уголовно-процессуальные законы. Работа над сводом законов была закончена в 1832 г., а 31 января 1833 г. он стал действующим законом. Составление Полного собрания законов Российской Империи и свода законов Российской Империи, с одной стороны, было знаменательным событием в отечественном праве, а с другой, – они наглядно показывали отсталость российского права по сравнению с законодательством западных стран». Свод законов в целом, можно сказать, оставался сборником нормативных актов феодально-крепостнического государства.

Чем дальше эволюция уголовного законодательства приближалась к новому периоду, тем контрастнее выступает значение его как формы классовой концепции. «Интересам определенных социальных групп придается значение интересов государственных, а государственно-публичный интерес в уголовном праве гипертрофируется. Охране частных интересов отводится значительно меньшее значение. Такое положение вещей видно из структуры уголовного закона, содержащегося в 15 томе свода. На первом месте законодатель по-прежнему размещает преступления против государя, веры, а в конце находятся нормы, предусматривающие ответственность за преступления против прав частных лиц».

В начале среди совокупности норм, посвященных посягательствам на интересы человека содержатся статьи, где говорится об ответственности за убийство. Впервые в отечественном уголовном законодательстве сделана попытка определить понятие убийства. Посягательство на жизнь подразделялось на умышленное и неосторожное. Умышленное убийство, в свою очередь, разбивалось на простое и квалифицированные. К числу неосторожных убийств относились, например, причинение смерти больному врачом или аптекарем, отпустившем лекарство ненадлежащее или «в ненадлежащем качестве». Приравнялось к убийству «умышленное во чреве умерщвление и изгнание плода».

Квалифицированными видами убийства признавались лишение жизни родителей, братоубийство, убийство мужем жены или женой мужа, убийство начальником подчиненного или подчиненными начальника, чадубийство. Уголовно-наказуемым деянием против жизни по-прежнему признавалась дуэль.

По сути своей запреты посягательств на жизнь в своде законов повторяли составы Соборного уложения и законодательства Петра I. Поэтому уже в 1836 г. была начата работа по пересмотру уголовных законов, содержащихся в своде законов российской империи.

Тем не менее, «начатая разработка уголовного законодательства проводилась с учетом указаний М. Сперанского (закончена была после его смерти), которые сводились к следующему: 1) не создавать нового Уложения по началам науки, а

только привести в надлежащий порядок разнородные постановления, издававшиеся на протяжении столетий, но на одинаковых началах и, так сказать, в одном духе; 2) устранить всякую неточность и неопределенность выражений и самих положений; сделать все нужные, требуемые временем и указанные опытом и наблюдением дополнения. В то же время нельзя не отметить серьезную подготовительную работу, которая была осуществлена ко дню принятия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.».

«В новом уголовном законе, как и в Своде законов, в разделе, посвященном преступлениям против жизни, здоровья, свободы, чести частных лиц, на первом месте были расположены преступления против жизни, которые составляли две группы и таким образом размещались в двух главах. Первая слагалась из посягательств, именуемых смертоубийством, а вторая – объединяла преступления, связанные с самоубийством. В Уложении убийство подразделялось на простое, квалифицированное, привилегированное и совершенное по неосторожности. К первой категории относились умышленные убийства, без заранее обдуманного умысла (непредумышленные) и при отсутствии квалифицирующих обстоятельств, ко второй – убийства при указанных в статье квалифицирующих обстоятельствах (например, отцеубийство), к третьей (привилегированные, т.е. с мягкой санкцией), – например, убийство матерью незаконнорожденного ребенка, убийство новорожденного, не имеющего человеческого образа (урода) и другое. Последнее признавалось таковым потому, что совершалось из суеверия, будто ребенок появился в результате вмешательства при его зачатии и рождении дьявольских сил и будто бы у него отсутствует душа.

К разряду преступлений против жизни в Уложении отнесено не только самоубийство, но и доведение до самоубийства, а также подстрекательство другого к самоубийству и пособничество ему. К числу преступлений против жизни закон относил производство аборта. Данное посягательство приравнивалось к умышленному убийству.

Таким образом, в Уложении 1845 г. охрана жизни человека была более продуманная и всесторонняя, чем в предыдущих уголовных законах».

В отдельной главе (четвертой) десятого раздела содержались нормы, предусматривающие ответственность за учинение дуэли. В отличие от петровского законодательства дуэль не рассматривалась как посягательство против жизни. Против аналогичных норм в Своде по Уложению 1845 г. не привлекались к ответственности примирители, которым не удалось примирить соперников, и недоносители.

«В целом Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. выглядело по сравнению с уголовными кодексами западных государств отсталым, оно не вообрало в себя передовых философско-уголовно-правовых идей, положений естественно-правовой теории, идеи которой подготовили Французскую революцию (1789 г.)».

В 1861 г. в России было отменено крепостное право, в 1864 г. была проведена судебная реформа. «На фоне определенного обновления социальной жизни Уложение о наказаниях 1845 г. все больше устаревало. В него вносились

изменения и дополнения и издавали в новой редакции (в 1866 и 1885 гг.). Прошедшие изменения и внесенные дополнения в Уложение, изданное в 1885 г., мало коснулись сути групп преступлений против личности. В главах, посвященных ответственности за посягательства на жизнь, отсутствовала норма, предусматривающая ответственность за убийство в состоянии сильного душевного волнения (ст. 1926 Уложения 1845 г.), по необъяснимым причинам. По-прежнему оставались уголовно-наказуемыми деяния, связанные с самоубийством, подстрекательством и пособничеством ему. Несмотря на то, что Уложение 1845 г. и не соответствовало существующим реалиям, оно оставалось действующим до октября 1917 г.».

Принятие Уложения о наказаниях 1845 г. и последующее его развитие, т. е. изменения и дополнения, заметно оживили научные исследования в области уголовного права. Их интенсивность неуклонно возрастала.

В изданном в 1876 г. «Руководстве к особенной части русского уголовного права», автор, магистр права, Н.А. Неклюдов в предисловии писал, что никакого пособия для приложения норм Особенной части уголовного законодательства нет, кроме «Курса русского уголовного права» А. Лохвицкого. На самом деле в тот период, за год до выхода в свет книги А. Лохвицкого, был опубликован учебник уголовного права П.Д. Калмыкова и В. Спасовича. В названных работах большое внимание уделялось вопросам ответственности за преступления против жизни. В то же время, чего не отметил Н.А. Неклюдов, великолепным подспорьем для уяснения и применения норм Особенной части, предусматривающих ответственность за посягательства на жизнь, являлась монография в двух томах Н.С. Таганцева «О преступлениях против жизни».

«Уголовно-правовая литература по вопросам преступлений против жизни была написана в основном в комментаторском стиле. При этом, однако, каждый криминалист высказал свое мнение, например, о системе преступлений против жизни, о видах составов. Так, П.Д. Калмыков к числу преступлений против жизни относил смертоубийство (умышленное причинение смерти другому человеку, живому в минуту смертельного повреждения, в том числе по неосторожности). В группу преступлений против жизни он включал также плодоизгнание (аборт) и самоубийство. Данная группа преступлений против жизни соответствовала составам, содержащимся в Уложении 1845 г.

Кроме того, П.Д. Калмыков к посягательствам против жизни относил еще те деяния (преступления), которые подвергают жизнь другого человека опасности (оставление в опасности малолетнего, неоказание врачебной помощи больному, оставление попутчика). Аналогичную позицию по содержанию системы преступлений против жизни занимал А. Лохвицкий. Иначе строил систему преступлений против жизни Н.А. Неклюдов. К посягательствам на жизнь он не относил преступления, ставящие в опасность жизнь другого человека. Солидарен с ним А.К. Вульферт».

Н.С. Таганцев в своей монографии к числу преступлений против жизни относил различного рода убийства (простое, квалифицированное, привилегированное), умерщвление плода, неосторожное причинение смерти, а

также дуэль, однако был против отнесения к числу посягательств на жизнь самоубийства и пособничества оному, поскольку считал, что в подобных случаях никакое юридическое отношение не нарушается.

«Постоянная научная критика архаичности уголовного законодательства, невосприятие его отдельными государственными и общественными деятелями подтолкнули царское правительство к исправлению сложившегося положения. Было принято решение по разработке нового Уголовного уложения.

Впервые в России очередной проект уголовного закона был разработан при участии крупнейших русских ученых-криминалистов. Александр III повелел учредить для составления проекта нового Уголовного уложения особый комитет из лиц, близко знакомых с теорией уголовного права и судебной практикой. Из членов комитета была образована редакционная комиссия, в которую вошли доктор уголовного права Н.А. Неклюдов, Н.С. Таганцев и И.Я. Фойницкий.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что российское уголовное законодательство в целом в части преступлений против личности более восьми веков разрабатывалось и развивалось без научного обоснования. Принятое в марте 1903 г. Уголовное уложение не вступило в действие полностью. В 1904 г. были приведены в действие главным образом статьи, касающиеся политических преступлений».

Только в XII главе законодатель уделяет внимание преступлениям против интересов частного лица (против жизни, здоровья, чести и др.).

«Содержание Особенной части Уголовного уложения показывает, что преступления против частного лица, также как и в Уложении о наказаниях 1845 г., размещались на последнем месте. Однако, следует отметить, что впервые в отечественном уголовном законодательстве преступления против частного лица в отдельных случаях называются посягательствами против личности. По Уголовному уложению 1903 г. группа преступлений против личности мало чем отличалась от аналогичных преступлений, предусмотренных в Уложении о наказаниях 1845 г. Что касается преступлений против жизни, то следует отметить такой положительный момент, как исключение из числа посягательств на жизнь состава самоубийства, а негативный – исключение из Уголовного закона состава доведения до самоубийства. Среди привилегированных составов в Уголовном уложении появился новый – убийство, учиненное по настоянию по настоянию убитого и сострадания (ст. 463).

Сохранилась в Уголовном уложении самостоятельная глава, посвященная ответственности за участие в поединке как преступления против частных интересов, но не относившегося к группе посягательств на жизнь. В данной главе появилась норма, предусматривающая ответственность за американскую дуэль как разновидность поединка.

Дифференциация ответственности за различные виды посягательства на жизнь человека в Уголовном уложении 1903 г. была более совершенной по сравнению с предыдущими законодательными актами царской России. Она осуществлялась, главным образом, путем деления составов на простые, квалифицированные и привилегированные».

Отнесение состава убийства к квалифицированному виду зависело от многих обстоятельств, например, от отношений родства, социального положения убитого, способа совершения преступления.

В качестве привилегированных составов, кроме традиционных для отечественного уголовного законодательства, Уголовное уложение 1903 г. предусматривало состав убийства по настоянию убитого из сострадания к нему.

«Таким образом, в принятом в 1903 г. Уголовном уложении система преступлений против жизни стала иной, чем в Уложении 1845 г. и в его редакции 1885 г. Однако в доктрине уголовного права система посягательств на жизнь была представлена по-разному, и, очевидно потому, что Уголовное уложение 1903 г. не ступило в действие»¹.

С момента установления советской власти в 1917 г. руководство нового государства отказывалось, можно сказать, от всего прошлого: и от царского законодательства, и от законодательства Временного правительства. Однако это законодательство фактически продолжало действовать. В Декрете о суде № 2 говорилось, что «по гражданским и уголовным делам суд руководствуется гражданскими и уголовными законами, действующими доньше, лишь постольку таковые не отменены декретами Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров и не противоречат социалистическому правосудию»².

В первом советском уголовном кодексе, в главе пятой (УК РСФСР 1922 г.), посвященной преступлениям против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности, на первое место было помещена группа составов преступлений, объединяемых понятием убийство³. В нее входили практически такие же составы, какие были предусмотрены в Уголовном уложении 1903 г. Согласно этому УК различалось несколько видов убийств: умышленное убийство при наличии квалифицирующих признаков (ст. 142); простое убийство (ст. 143); умышленное убийство в состоянии аффекта; убийство при превышении пределов необходимой обороны, а также убийство застигнутого на месте преступления преступника с превышением необходимых для его задержания мер; убийство по неосторожности.

Уголовный закон к числу деяний, посягающих на право человека на жизнь, кроме названных составов преступлений относил также незаконное производство аборта и содействие или подговор к самоубийству несовершеннолетнего или лица, не способного понимать совершаемое или руководить своими поступками (ст. 148 УК).

В отличие от Уголовного уложения 1903 г. УК РСФСР 1922 г. не предусматривал только двух составов: убийство матерью своего новорожденного

¹ Загородников, Н.И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву / Н.И. Загородников. – М.: Госюриздат, 1961. – С. 207.

² Декрет ВЦИК от 07.03.1918 г. № 2 «О суде». – СПС «КонсультантПлюс».

³ Уголовный кодекс Р.С.Ф.С.Р. // СУ РСФСР. – 1922. – № 15. – Ст. 153.

ребенка и убийство по согласию потерпевшего из чувства сострадания к нему¹.

УК РСФСР 1926 г.², по сути, воспроизвел систему преступлений против жизни по УК РСФСР 1922 г. «Новым составом преступления в названном Уголовном кодексе был состав доведения до самоубийства или покушения на него лица, находящегося в материальной или иной зависимости от другого лица путем жестокого обращения с потерпевшим или иным подобным путем (ст. 141 УК). УК 1926 г. к числу посягательств против жизни относил состав незаконного производства аборта, об этом можно судить по месту его расположения в числе преступлений против личности».

Система преступлений против жизни подверглась существенному пересмотру в Уголовном кодексе РСФСР 1960 г.³ Из числа преступлений против жизни были исключены незаконное производство аборта (данный состав был отнесен к посягательствам, ставящим в опасность жизнь и здоровье женщины) и содействие, подговор к самоубийству.

В действующем Уголовном кодексе 1996 г. в систему преступлений против жизни включены простое, квалифицированные и привилегированные убийства, причинение смерти по неосторожности, а также преступления, связанные с самоубийством.

1.2 Понятие и виды убийства по УК РФ

В российском уголовном праве термин «убийство» начал употребляться далеко не сразу. В памятниках древнерусского права (Русская Правда), лишение человека жизни называлось «душегубством», позже стало именоваться «смертоубийством» (Свод законов Российской империи 1832 г.). Лишь к концу XIX в. причинение смерти человеку стало называться убийством, но при этом ни в Уголовном Уложении 1903 г., ни в Уголовных кодексах советского периода дефиниция убийства так и не была определена. Не сложилось единодушного отношения к данному определению и у теоретиков уголовного права – многие из тех, кто посвятил свои труды этому посягательству, старались наделить убийство своими, оригинальными признаками.

В дореволюционной литературе данную категорию разрабатывали С. Будзинский, М.Н. Гернет, М.М. Гродзинский, А. Лохвицкий, В.Д. Набоков, Н.А. Неклюдов. В советский и современный периоды значительный вклад в характеристику понятия убийства внесли М.Д. Шаргородский, Н.И. Загородников, А.А. Пионтковский, М.К. Анианц, В.И. Ткаченко, Ю.М. Антонян, С.В. Бородин, А.Н. Красиков и др. ученые.

Н.И. Загородников определял убийство как «противоправное, умышленное или неосторожное, лишение жизни другого человека, когда причинение смерти

¹ Швеков, В.Г. Первый советский уголовный кодекс: учебное пособие / Г.В. Швеков. – М.: Высш. шк., 1970. – С. 199.

² Уголовный кодекс Р.С.Ф.С.Р. // СУ РСФСР. – 1926. – № 80. – Ст. 600.

³ Уголовный кодекс РСФСР // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 591.

является основанием уголовной ответственности»¹. Соглашался с ним по поводу вины в данном преступлении и А.А. Пионтковский, который полагал, что «убийство есть противоправное умышленное или неосторожное лишение жизни человека»².

Однако еще раньше, в середине прошлого века, М.Д. Шаргородский настаивал, что «убийством следует признавать лишь умышленное причинение смерти другому человеку (а все случаи неосторожного лишения жизни так прямо и именовать в законе)». Он справедливо подметил, что выражение «неосторожно убить» так же чуждо русскому уху, как и выражение «неосторожно поджечь»³.

Данная точка зрения и была воспринята российским законодателем, который в 1996 г. ввел в уголовный закон определение убийства. Согласно ч. 1 ст. 105 УК РФ, убийство – это «умышленное причинение смерти другому человеку». Неосторожное причинение смерти в соответствии с действующим законодательством образует самостоятельный состав преступления (ст. 109 УК РФ), т. е. находится за рамками убийства.

Однако, по мнению В.И. Кузнецова, «само по себе законодательное (легальное) определение убийства ещё не позволяет в полной мере разграничить данное деяние со схожими преступлениями – как более, так и менее опасными, и потому имеется насущная необходимость ввести в научный и практический оборот ещё одно, доктринальное определение убийства, которое не противоречило бы легальному, а дополняло его, конкретизировало и помогало решить сложнейшие проблемы квалификации насильственных посягательств»⁴.

Убийство необходимо отграничивать от правомерного лишения жизни, несчастного случая, самоубийства, а также других преступлений, объектом которых является жизнь человека, поэтому полагаем, что его нормативную дефиницию все же следует уточнить с помощью дополнительных признаков.

По мнению С.В. Бородин, «в законодательном определении убийства не достаёт указания на противоправность и виновность деяния. Определение понятия убийства, данное в законе, не вполне совершенно еще и потому, что в нем не заложен критерий отграничения убийства от других преступлений, которые также предполагают умышленное лишение жизни другого человека». Автор предлагает сформулировать данное понятие следующим образом: «убийство – это предусмотренное статьей Особенной части УК виновное деяние, посягающее на жизнь другого человека и причиняющее ему смерть»⁵.

¹ Загородников, Н.И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву / Н.И. Загородников. – М.: Госюриздат, 1961. – С. 23.

² Пионтковский, А.А. Курс советского уголовного права / А.А. Пионтковский. – М.: Наука, 1971. – С. 21.

³ Шаргородский, М.Д. Преступления против жизни и здоровья / М.Д. Шаргородский. – М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. – С. 38.

⁴ Кузнецов В.И. Понятие убийства в российском уголовном праве / В.И. Кузнецов // Сибирский Юридический Вестник. – 2003. – № 4. – С. 41.

⁵ Бородин, С.В. Преступления против жизни / С.В. Бородин. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – С. 21.

Однако большинство ученых соглашается с определением Г.Н. Борзенкова, который под убийством понимает противоправное умышленное причинение смерти другому человеку¹.

Мы согласны с тем, что признак противоправности в характеристике убийства является необходимым. «Он позволяет отграничить убийство от правомерного лишения жизни человека. Так, причинение смерти при необходимой обороне не только не влечет уголовной ответственности, но и не может быть названо убийством».

Иной точки зрения придерживается В.Г. Москвин, который считает, что указание на противоправность не является необходимым, «так как это общий признак всех рассматриваемых преступлений и, во-вторых, нормы, содержащие указание на правомерность причинения смерти, являются исключительными по отношению к ч. 1 ст. 105 УК РФ, а, следовательно, им отдается предпочтение при решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности»².

Другой признак убийства, который, по мнению А.И. Коробеева, должен быть указан в определении, – это характеристика объекта посягательства, т. к. объектом убийства может быть жизнь любых потерпевших, кроме государственного или общественного деятеля, лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, сотрудника правоохранительных органов в связи с тем, что посягательство на жизнь этих «особых» потерпевших квалифицируется по другим статьям УК РФ (277, 295, 317). Поэтому автор предлагает под убийством понимать «противоправное умышленное посягательство на жизнь другого человека как частного лица, выразившееся в причинении ему смерти»³.

В то же время М.П. Редин не согласен с определениями убийства, которые дали С.В. Бородин и А.И. Коробеев. Свое решение автор обосновывает следующим образом:

«Во-первых, убийство хотя и является виновным деянием, но может совершаться лишь умышленно. Да и сам С.В. Бородин отмечает, что из законодательной формулировки следует, что убийством является только умышленное деяние и тем самым из категории убийств исключается причинение смерти по неосторожности.

Во-вторых, посягательством на жизнь (ст. ст. 277, 295 и 317 УК РФ) не охватывается убийство другого человека, совершенное с косвенным умыслом. Посягательство на жизнь другого человека может совершаться лишь с прямым

¹ Борзенков, Г.Н. Квалификация преступлений против жизни и здоровья: учебно-практическое пособие / Г.Н. Борзенков. – М.: Зерцало-М, 2005. – С. 23; Плаксина, Т.А. Уголовная ответственность за убийство / Т.А. Плаксина. – Барнаул: Изд-во Алтайского госуниверситета, 1998. – С. 19; Красиков, А.Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России / А.Н. Красиков. – Саратов: Полиграфист, 1996. – С. 9 и др.

² Москвин, В.Г. Уголовная ответственность за убийство / В.Г. Москвин // Вестник магистратуры. – № 6(45). – Том 3. – С. 25.

³ Курс уголовного права: учебник для вузов. В 5 т. Особенная часть. Т. 3. – М.: Зерцало, 2002. – С. 103.

умыслом. Оно (посягательство) является одним из звеньев цепи, имя которой «стадии осуществления преступного намерения».

В-третьих, само по себе посягательство на жизнь другого лица не может выразиться в причинении ему смерти. Под посягательством на жизнь следует понимать такую деятельность лица по реализации преступного намерения, при помощи которой преднамеренное убийство другого человека должно быть непосредственно приведено в исполнение. Поэтому причинить смерть другому человеку в качестве публичного либо частного лица (в смысле наличия в деянии виновного лица составов преступлений, предусмотренных ст. ст. 277, 295, 317 УК РФ) возможно лишь путем посягательства на его жизнь, сопряженного с успешным непосредственным приведением преднамеренного убийства в исполнение.

В-четвертых, посягательство на жизнь другого человека в качестве публичного лица (ст. 277 УК РФ), публичного либо частного лица (ст. ст. 295, 317 УК РФ), частного лица (ст. 357 УК РФ), сопряженное с причинением ему смерти, не может рассматриваться законодателем как побочный результат действий, направленных на причинение вреда иному (нежели жизнь) объекту. Поскольку непосредственным дополнительным объектом преступлений, предусмотренных ст. ст. 277, 295, 317 УК РФ, является жизнь другого человека (как публичных, так и частных лиц), перечисленных в диспозициях этих статей»¹.

И все же считаем необходимым согласиться с определением убийства, данным Г.Н. Борзенковым, поэтому убийство, по нашему мнению, должно характеризоваться следующими признаками:

- 1) это общественно опасное деяние, направленное на причинение смерти (лишение жизни) другому человеку;
- 2) это деяние является противоправным;
- 3) оно совершается умышленно.

Полагаем, что данными признаками обязательно должно обладать любое убийство, ответственность за которое предусмотрена в УК РФ. В уголовно-правовой литературе, законодательстве и следственно-судебной практике обычно выделяют такие виды убийств, как:

- а) «простое» убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ);
- б) убийство с отягчающими обстоятельствами (ч. 2 ст. 105 УК РФ);
- в) убийство со смягчающими обстоятельствами (ст.ст. 106–108 УК РФ).

Таким образом, отличительной чертой «простого» убийства является отсутствие при таком убийстве как смягчающих, так и отягчающих обстоятельств. Именно на это указал Пленум Верховного Суда РФ в п. 4 постановления «О судебной практике по делам об убийстве» от 27 января 1999 г. № 1: «По ч. 1 ст. 105 УК РФ квалифицируется убийство, совершенное без квалифицирующих признаков, указанных в ч. 2 ст. 105 УК РФ, и без смягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. ст. 106, 107 и 108 УК РФ (например, в ссоре

¹ Редин, М.П. О конструкции составов преступлений, предусмотренных статьями 277, 295, 317 УК РФ / М.П. Редин // Следователь. – 1999. – № 2. – С. 32.

или драке при отсутствии хулиганских побуждений, из ревности, по мотивам мести, зависти, неприязни, ненависти, возникшим на почве личных отношений)»¹.

Однако выяснение и установление указанных мотивов не означает, что их наличие сразу же, автоматически влечет ответственность по ч. 1 ст. 105 УК РФ. С учетом сопутствующих этим мотивам обстоятельств, оснований и условий их возникновения, они могут определять и другую квалификацию содеянного. Так, например, если ревность вызвана глубоко аморальными действиями потерпевшего (потерпевшей), то убийство будет квалифицироваться не по ч. 1 ст. 105 УК РФ, а по ст. 107 УК РФ.

Рассмотрим виды убийств, которые в судебной практике квалифицируются как «простое» убийство.

Самым распространенным, по нашему мнению, является *убийство в ссоре или драке*. «Ссора и драка являются конфликтом физических (частных) лиц, в основе которого лежит столкновение интересов со стремлением одной из конфликтующих сторон ущемить и ограничить интересы другой стороны. Ссора и драка проявляются в: а) активных действиях одной стороны; б) осознании второй стороной этих действий как направленных против неё; в) активных ответных действиях второй стороны против первой. Обобщенный мотив простого убийства в ссоре или драке можно охарактеризовать как внутреннее побуждение, порожденное чувством личной неприязни к потерпевшему для удовлетворения личного интереса».

Например, между находящимися в состоянии алкогольного опьянения ФИО и его братом на почве внезапно возникших личных неприязненных отношений произошел конфликт, переросший в обоюдную драку, в ходе которой они нанесли хаотичные удары друг другу, причинив побои, не повлекшие вреда здоровью. После этого ФИО из личной неприязни, с целью убийства брата, вооружившись ножом, умышленно нанес им не менее одного удара в область грудной клетки слева, причинив потерпевшему колото-резаное ранение передней поверхности грудной клетки слева, сопровождавшееся наружным и внутренним кровотечением, закономерно осложнившееся обильной кровопотерей, относящееся к тяжкому вреду здоровья по признаку опасности для жизни, повлекшее смерть потерпевшего на месте преступления².

Если в ходе ссоры или драки возникли смягчающие или отягчающие обстоятельства (право на необходимую оборону, состояние аффекта, особая жестокость, общеопасный способ и др.), то убийство не может быть квалифицировано по ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Например, Коростылев был осужден за простое убийство по ч. 1 ст. 105 УК РФ, совершенное при следующих обстоятельствах. Между Коростелевым и ШАВ произошла словесная ссора, после которой ШАВ ушел из квартиры. У

¹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1999. – № 3.

² Приговор Центрального районного суда г. Челябинска по делу № 1–203/2017. – «Росправосудие».

Коростелева возник умысел на убийство ШАВ, и он заставил супругу КОВ позвонить ШАВ и вернуть его. Когда потерпевший ШАВ вернулся в квартиру, между ним и Коростелевым продолжилась словесная ссора, и произошла обоюдная драка, в ходе которой Коростелев, применяя насилие, умышленно нанес потерпевшему множество ударов руками и ногами в верхние конечности и живот. После этого, реализуя преступный умысел на убийство ШАВ, Коростелев вооружился заранее подготовленным заряженным охотничьим ружьем и, действуя умышленно, по мотиву личной неприязни, в целях причинения смерти ШАВ, применяя насилие опасное для жизни и здоровья, произвел один прицельный выстрел из указанного ружья в паховую область потерпевшего, то есть в область расположения жизненно важных органов. Смерть ШАВ наступила в лечебном учреждении.

С учетом всех доказательств по делу суд в действиях подсудимого Коростелева не усмотрел нахождения его в состоянии физиологического аффекта, а также превышения пределов необходимой обороны. Имеющиеся в материалах дела сообщения, свидетельствующие о наличии телесных повреждений у Коростелева при его задержании, не опровергают представленные доказательства стороной обвинения, а лишь подтверждают установленные в суде обстоятельства о том, что имел место конфликт и обоюдная драка между Коростелевым и ШАВ, которая была прекращена, и на квалификацию действий подсудимого не влияют.

Согласно заключению психиатрической экспертизы Коростелев каким-либо психическим расстройством, слабоумием, или иным болезненным состоянием психики, которое бы лишало его возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими, не страдает, и не страдал в период инкриминируемого ему деяния. Не обнаруживал временного расстройства психической деятельности, в том числе и патологического аффекта, а находился в состоянии простого алкогольного опьянения, его действия носили целенаправленный и законченный характер¹.

Следующим видом убийства, которое квалифицируется по ч. 1 ст. 105 УК РФ, является **убийство из ревности**. Как отмечает С.В. Бояров, «ревность можно определить как особое психическое переживание, вызываемое изменением доверительных отношений между лицами, которым эти отношения обеспечивают внутреннюю стабильность и безопасность эмоционального состояния... Любое чувство у человека вызывается внешними раздражителями, поэтому для возникновения бытовой ревности и последующего убийства необходимы предполагаемая или действительная измена»².

«Как правило, между предполагаемым фактом измены и совершением преступления проходит определенный промежуток времени. Очевидная же измена влечет мгновенную вспышку гнева, и здесь не имеет значения, кто явился

¹ Приговор Ленинского районного суда г. Магнитогорска по делу № 1–235/2015 от 01 октября 2015 г. – «Росправосудие».

² Бояров, С. Квалификация убийства из ревности / С. Бояров // Российская юстиция. – 2002. – № 8. – С. 39.

потерпевшим – супруга (супруг) или ее (его) друг (подруга). Порой подобная ситуация приобретает аффективную реакцию»¹. Поэтому в подобных случаях для квалификации убийства по ч. 1 ст. 105 УК РФ суды должны исключить наличие физиологического аффекта у виновного во время совершения преступления.

Так, у Тлеукулова, находящегося в состоянии алкогольного опьянения, на почве ревности возникли личные неприязненные отношения к КАН. С целью умышленного убийства КАН, Тлеукулов взял нож, прошел в комнату, где на полу спал КАН, действуя в продолжение своего преступного умысла на убийство, подошел к КАН и умышленно, по мотиву ревности и личной неприязни, с целью причинения смерти потерпевшему, применяя насилие опасное для жизни и здоровья, нанес КАН клинком ножа не менее одного удара в заднюю поверхность грудной клетки справа, то есть в область расположения жизненно важных органов. Смерть КАН наступила в короткий промежуток времени на месте происшествия от массивной кровопотери.

Суд квалифицировал действия Тлеукулова по ч. 1 ст. 105 УК РФ, так как он совершил убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку.

В судебном заседании подсудимый Тлеукулов вину по предъявленному обвинению признал частично. Допрошенный в ходе предварительного следствия, в присутствии защитника, Тлеукулов давал четкие и подробные показания о том, что у него была обида за измену и обман НТА, он испытывал сильное чувство ревности. В какой-то момент ему стало обидно за себя, он взял нож, пошел в подъезд. Стал наносить себе раны на руках, шее, нож у него отобрали. Он вернулся в квартиру, и, желая отомстить КАН, за причиненное оскорбление и обиду, за то, что НТА предпочла КАН, он прошел в кухню, взял нож с белой рукояткой, побежал в комнату, увидел КАН, лежащим на полу, спиной к входу, подбежал к нему и с силой сверху вниз нанес клинком ножа один удар потерпевшему в заднюю поверхность грудной клетки, клинок ножа полностью вошел в тело, до рукоятки. Он вытащил нож и выбежал в коридор².

Как мы видим, в приведенном примере присутствуют мотив и ревности, и мести. Думается, прав относительно оценки подобных случаев Н.И. Загородников, отметивший, что «ревность служит основной для возникновения мести, и поэтому убийство, сопряженное с ревностью, есть убийство из мести»³.

В словаре С.И. Ожегова сказано, что месть – «действие в оплату за причиненное зло, возмездие за что-нибудь»⁴.

Мотив мести может нести в себе личностное восприятие виновным в

¹ Калиновский, В.А. Понятие убийства на бытовой почве и особенности его совершения женщинами / В.А. Калиновский // Право и политика. – 2009. – № 7. – С. 35.

² Приговор Ленинского районного суда г. Магнитогорска по делу № 1–196/2015 от 8 июля 2015 г. – «Росправосудие».

³ Загородников, Н.И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву / Н.И. Загородников. – М.: Госюриздат, 1961. – С. 141.

⁴ См.: Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: АЗЪ, 1997. – С. 352.

совершении преступления тех действий и слов потерпевшего, которые, на его взгляд, его обижают, причиняют ему душевные или физические страдания. Основанием для возникновения мотива мести могут быть слова, действия, совершенные потерпевшим непосредственно перед убийством, а могут быть и такие поступки потерпевшего, которые были совершены в прошлом.

Изучение судебной практики показывает, что поводом для мести могут быть самые разные поступки потерпевшего. Чаще всего убийства из мести совершаются в тех случаях, когда виновные мстят за оскорбление или нанесение побоев. И в этом том случае суды должны тщательно выяснять обстоятельства совершения преступления, чтобы исключить состояние необходимой обороны и наличие аффекта у виновного.

Например, Струнин и Данилов употребляли спиртные напитки, на фоне этого между ними произошел конфликт на почве личных неприязненных отношений, который перерос в драку. В ходе драки Струнин вооружился кухонным ножом и, действуя умышленно на почве личных неприязненных отношений, нанес Данилову один удар в область грудной клетки, причинив ему смерть.

В судебном заседании суд пришел к выводу о виновности Струнина в совершении умышленного убийства Данилова на почве неприязненных отношений в ходе обоюдного конфликта, обусловленного злоупотреблением спиртными напитками. В данном случае суд не усмотрел какого-либо посягательства со стороны потерпевшего, т. к. исходя из выводов судебно-медицинской экспертизы, проведенной Струнину кровоподтеки и подкожные гематомы головы, туловища и конечностей, обнаруженные на его теле не повлекли за собой расстройства здоровья или стойкой утраты общей трудоспособности и таким образом расцениваются как повреждения, не причинившие вред здоровью.

Из судебно-медицинской экспертизы трупа следует, что Данилов находился в тяжелой степени алкогольного опьянения, поэтому, по мнению суда, его действия не представляли реальной опасности для Струнина. О том, что Струнин не опасался Данилова, говорит и тот факт, что подобные ситуации в их отношениях неоднократно возникали и ранее, несмотря на побои Данилова, Струнин вышел к нему и продолжил распивать спиртное. Повреждения на теле потерпевшего в виде мелких царапин от ножа свидетельствуют о том, что Струнин был вооружен ножом и использовал его в ходе драки. Поэтому нанесение смертельного удара нельзя рассматривать как реализацию им законного права на самооборону, т. к. не было реального посягательства, а имел место обоюдный конфликт, обусловленный состоянием алкогольного опьянения двух деградировавших от алкоголя личностей. Один из участников которого – Данилов нанес Струнину побои, а Струнин зарезал Данилова, руководствуясь чувством мести¹.

В другом случае Арсланова употребляла спиртные напитки в своей квартире с сестрой К.О.В. Между ними произошел на почве сложившихся личных

¹ Приговор по делу № 1–229/2013 Курчатковского районного суда г. Челябинска от 22.06.2013 г. – «Росправосудие».

неприятных отношений словесный конфликт, в ходе которого у Арслановой возник умысел на убийство сестры, реализуя который, она, находясь в состоянии алкогольного опьянения, вооружилась в ходе ссоры приисканным в указанной выше квартире ножом и, преодолевая сопротивление К.О.В., прикрывавшей себя левой рукой, нанесла не менее двух ударов ножом в область груди потерпевшей и не менее двух ударов в область верхних конечностей сестры. Смерть К.О.В. наступила на месте преступления в результате острой кровопотери через непродолжительный промежуток времени.

Давая правовую оценку действиям подсудимой, суд указал, что она действовала на почве личных неприятных отношений с потерпевшей, находилась в состоянии простого алкогольного опьянения, а не в состоянии аффекта, из-за ревности, не при обороне и не при иных обстоятельствах, смерть К.О.В. причинила умышленно¹.

Изучение судебной практики показало, что чаще всего простое убийство совершается *вследствие личной неприязни* виновного к потерпевшему, в том числе и внезапно возникшей.

Например, Уманова была осуждена за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ. Мотивом совершённого преступления явилась личная неприязнь, возникшая у подсудимой к потерпевшему на фоне алкогольного опьянения, о чем свидетельствуют показания Умановой, содержащиеся в протоколах допросов в качестве подозреваемой и обвиняемой, которая показала, что ранее у них происходили конфликты из-за того, что к нему приходили гости, с которыми он распивал спиртные напитки, кроме того, она ревновала его.

Потерпевший ФИО1, находившийся в состоянии сильной степени алкогольного опьянения, не мог представлять Умановой никакой угрозы, никаких предметов у него в руках не было, ничем ей не угрожал и ничем не замахивался, на подсудимую не нападал. На основании исследованных судом доказательств установлено, что непосредственно перед нанесением Умановой удара ножом в подключичную область ФИО1, реально он никакой угрозы не представлял, поэтому у Умановой не было необходимости наносить потерпевшему удар ножом в жизненно важный орган человека, в результате чего наступила его смерть².

К другим видам простого убийства К.А. Колокольцева относит, также «убийства, совершенные в результате неправомерного применения оружия представителем власти либо лицом, охраняющее государственное, общественное имущество, при не исполнении потерпевшим их законных требований. Также это те убийства, которые оказываются совершенными при преждевременной обороне. В этих случаях отсутствует нападение, следовательно, такое убийство не может быть признано совершенным как в состоянии необходимой обороны, так и при

¹ Приговор Аргаяшского районного суда Челябинской области по делу № 1–192/2014 от 11 ноября 2014 г. – «Росправосудие».

² Приговор Варненского районного суда Челябинской области по делу № 1–111/2014 от 7 октября 2014 г. – «Росправосудие».

превышении ее пределов. К убийству без смягчающих и отягчающих обстоятельств (простому убийству), предусмотренному ч.1 ст.105 УК РФ относится и так называемые убийства из сострадания, хотя и с учетом смягчающего обстоятельства, указанного в п. «д» ч. 1 ст. 61 УК РФ. Здесь, если убийство происходит по просьбе потерпевшего или из сострадания и не содержит в себе признаков, указанных в ч. 2 ст. 105 УК РФ (например, убийство из корыстных побуждений, когда лицо, убивая больного человека, желает избавиться от материальных затрат по уходу за ним), оно должно квалифицироваться по ч. 1 ст. 105 УК РФ»¹.

К числу убийств, рассматриваемых в качестве «простого» до введения в действие УК РФ 1996 г., относили детоубийство, убийство тяжелобольного, убийство с согласия потерпевшего.

В настоящее время детоубийство, если оно не подпадает под признаки ст. 106 УК РФ, должно быть квалифицировано по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийство малолетнего лица.

Что касается убийства тяжелобольного, то полагаем, что оно не может быть отнесено к простому убийству. В этом случае имеются признаки состава преступления, предусмотренного в п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ – убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, то есть когда безнадежно больной не в силах оказать сопротивление и защититься от посягательства.

В то же время убийство с согласия или по просьбе потерпевшего судебная практика квалифицирует по ч. 1 ст. 105 УК РФ, поскольку законодатель не придал согласию потерпевшего значения обстоятельства, позволяющего выделить его в качестве привилегированного.

«К простому убийству в судебной практике и в теории уголовного права относят и так называемые *«безмотивные» убийства*, когда мотив убийства не установлен, и нет возможности восполнить этот пробел.

Однако следует различать две ситуации.

Первая: мотив не установлен (виновный не помнит или не говорит о нём), но имеются другие доказательства преступления (свидетельские показания, вещественные доказательства и др.). В этом случае имеется основание квалифицировать действия виновного как простое убийство по ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Вторая ситуация. Мотив убийства не установлен, и нет других прямых доказательств совершенного преступления, и не исключается возможность причинения смерти потерпевшему в состоянии необходимой обороны, с превышением её пределов или в состоянии аффекта. В таком случае, думается, лицо не должно привлекаться к уголовной ответственности».

К иным видам простого убийства в науке уголовного права предлагается относить: «убийство должника кредитором (как разновидность убийства из мести), убийство на дуэли, убийство с целью уклонения поделиться (вернуть,

¹Колокольцева, К.А. Уголовно-правовая характеристика простого убийства / К.А. Колокольцева // Молодой ученый. – 2015. – № 21(101). – С. 614.

отдать) имуществом, приобретенным незаконным способом (карточный долг, похищенное в соучастии имущество, средства от сбыта оружия, наркотиков, от занятия проституцией и т. п.), убийство в спортивных соревнованиях (бокс, каратэ и т. п. единоборства) с нарушением правил по мотивам тщеславия (доказать свою силу, заслужить звание самого сильного и жесткого (опасного) спортсмена, сформировать вокруг себя ореол, имидж беспощадного (кровавого) победителя), убийство с косвенным умыслом при проведении научного эксперимента, убийство при обстоятельствах, внешне (формально) сходных с необходимой (мнимой) обороной и задержанием правонарушителя»¹.

К простому убийству судебная практика относит «одновременное лишение жизни двумя виновными по договоренности между собой с распределением ролей двух лиц, когда каждый из соучастников причиняет смерть только одному потерпевшему»².

«В судебной практике встречается так называемое проигрывание человека, когда человеческая жизнь используется в качестве ставки в азартной игре: карточной, игре в кости, при заключении пари. Это случаи, когда неудачный игрок, исчерпав во время игры все доступные ему имущественные ставки, с тем, чтобы продолжить игру, предлагает или принимает условие, что если он вновь проиграет, то убьет человека, например, первого встречного. Убийство при таких обстоятельствах, думается, необходимо квалифицировать как совершенное из хулиганских побуждений»³.

1.2 Ответственность за убийство в зарубежном уголовном праве

Зарубежный опыт регламентации уголовной ответственности за преступления против жизни мы рассмотрим на примере ряда стран общего и континентального уголовного права. Общим для всех государств является признание убийства одним из самых тяжких преступлений. Однако дифференциация уголовной ответственности за убийство в странах этих двух правовых систем заметно различается. Если в странах континентального права под простым убийством понимается умышленное убийство, совершенное без отягчающих обстоятельств, то в странах общего права простым убийством признается также причинение смерти по неосторожности.

Уголовная ответственность за убийство в странах общего права может быть установлена как в законодательстве (статуте, кодексе), так и в судебных прецедентах. В **Великобритании** различают умышленное убийство, неосторожное убийство и детоубийство. «Неумышленное, хотя бы и случайное, лишение жизни рассматривается как тяжкое убийство, если оно сопутствовало другому тяжкому преступлению. Однако неумышленное, хотя бы и случайное,

¹ Ткаченко, В.И. Квалификация преступлений против жизни и здоровья по советскому уголовному праву / В.И. Ткаченко. – М.: Юридическая литература, 1977. – С. 12.

² Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2002 г. № 776п02 по делу Мальского и Панарина. – СПС «КонсультантПлюс».

³ Чалидзе, В. Уголовная Россия / В. Чалидзе. – М.: Терра, 1990. – С. 194.

лишение жизни, если оно сопутствовало противозаконному деянию, не составляющему тяжкого преступления, квалифицируется как простое убийство. Аналогично квалифицируется и умышленное убийство, совершение которого виновным спровоцировано со стороны убитого»¹.

Согласно Закону о детоубийстве 1938 г. детоубийство является «одним из видов «простого убийства со смягчающими обстоятельствами». «Женщина, причинившая умышленным действием или бездействием смерть своему ребенку в возрасте до 12 месяцев, освобождается от ответственности за тяжкое убийство, если во время совершения данного деяния ее душевное равновесие было расстроено, поскольку она еще не оправилась от последствий родов или кормления ребенка грудью. Если виновная в убийстве своего новорожденного ребенка женщина судится по обвинению в тяжком убийстве (*Murder*), присяжные заседатели вправе признать ее вместо этого виновной в детоубийстве, и она может быть наказана как за простое убийство (*Manslaughter*), поскольку действовала в состоянии умоисступления»².

Как пишет А.Г. Бабичев: «В Англии как «умышленное простое убийство» признаются и другие виды убийств, совершенные при смягчающих обстоятельствах. Согласно Закону об убийстве 1957 года к ним относятся такие обстоятельства, как «ненормальность умственного развития человека (виновного), которая существенным образом уменьшила его ответственность за совершение убийства» (так называемая «уменьшенная вменяемость»); в случаях, когда «обвиняемый был спровоцирован на убийство или нанесенные ему оскорбления были рассчитаны на то, чтобы лишить «разумного человека» способности контролировать свои действия»; то, что «лицо было участником договора (сговора) о групповом самоубийстве (двух или более человек)», но осталось при этом в живых»³.

Ответственность за убийство в *США* исследовал К.В. Третьяков, который отмечает, что «в ч. 1. ст. 210.1 Примерного уголовного кодекса США, приведено общее определение убийства, согласно которому лицо виновно в совершении преступного причинения смерти, если оно с целью, заведомо, по опрометчивости или небрежности причиняет смерть другому человеческому существу. В соответствии с ч. 2 ст. 210.1 этого Кодекса, убийство может быть тяжким, простым или убийством по небрежности. Простое убийство имеет место в случаях, когда (ст. 210.3) оно совершено по опрометчивости либо является таким преступлением, которое при иных обстоятельствах было бы тяжким убийством, но в данном случае оно было совершено под влиянием крайнего психического или эмоционального смятения, для которого есть разумное объяснение или извинение. Разумность такого объяснения или извинения определяется с точки

¹ Раджабов, Р.М. Проблема ответственности за убийство с особой жестокостью в уголовном праве зарубежных стран / Р.М. Раджабов // Юридическая психология. – 2008. – № 4. – С. 43.

² Бабичев, А.Г. Убийство при смягчающих обстоятельствах в странах с англосаксонской правовой системой / А.Г. Бабичев // Вопросы современной юриспруденции. – 2014. – № 42. – С. 64.

³ Бабичев, А.Г. Указ. соч. – С. 65.

зрения лица, поставившего себя на место деятеля при обстоятельствах, как он их себе представляет»¹.

Право на жизнь в числе одного из первых закреплено в *Канадской Хартии прав и свобод*, принятой совместно с Конституционным актом 1982 г. Согласно ст. 7 Хартии «каждый имеет право на жизнь, свободу и безопасность своей личности; и этих прав нельзя лишить иначе как в соответствии с основными принципами отправления правосудия»². Данное конституционное положение находит отражение в Уголовном кодексе Канады 1892 г., действующем в редакции 1985 г., который рассматривает человеческую жизнь в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой защиты, выделяя нормы о преступных деяниях против жизни в самостоятельные главы части VIII «Преступления против личности и репутации»³.

Систему преступных деяний против жизни в уголовном праве Канады можно представить следующим образом: 1) убийство; 2) иные умышленные преступления против жизни (оказание помощи в совершении самоубийства (ст. 240), покушение на тяжкое убийство (ст. 239)); 3) причинение смерти по преступной небрежности (ст. 220).

В системе данных деяний центральное место занимает убийство. УК Канады предлагает развернутое родовое определение убийства. Согласно ст. 222 лицо совершает убийство, когда оно прямо или косвенно любым способом причиняет смерть другому человеку. Равным образом к убийству приравниваются случаи причинения смерти: 1) в результате совершения противоправного деяния; 2) в результате преступной небрежности; 3) в результате психического воздействия, выраженного в угрозе применения насилия или обмане, направленного на совершение лицом поступка, который приведет к смерти; 4) в результате преднамеренного запугивания малолетнего или душевнобольного. Особо подчеркивается при этом, что уголовно наказуемым является только виновное причинение смерти.

Для всех видов убийства характерны некоторые общие признаки. Прежде всего, обязательным признаком убийства выступает его противоправность, поскольку причинение смерти при самообороне, при исполнении вступившего в силу приговора суда и другие случаи правомерного лишения жизни, а равно случайное причинение смерти не могут быть квалифицированы как убийство. Убийство всегда совершается в отношении «живого человеческого существа».

«Как известно, в странах, принадлежащих к уголовно-правовой семье общего права, субъектом уголовной ответственности может быть не только физическое

¹ Третьяков, К.В. Сравнительный анализ квалификации убийств по уголовному праву РФ и США / К.В. Третьяков // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2015. – № 3. – С. 196.

² Малешина, А.В. Ответственность за убийство по уголовному кодексу Канада / А.В. Малешина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2008. – № 4. – С. 52.

³ Козочкин, И.Д. Уголовное право США. Успехи и проблемы реформирования / И.Д. Козочкин. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2007. – С. 131.

лицо, но и юридическое лицо. В ст. 2 УК Канады, в которой содержатся основные определения, закреплено положение, согласно которому понятие «лицо» при определенных обстоятельствах также может включать в себя организацию.

Как и любое другое преступление, убийство отличается присущими только ему материальным и психическим элементами деяния. В зависимости от названных конститутивных элементов преступления убийство может быть квалифицировано как тяжкое убийство, простое убийство и убийство матерью новорожденного ребенка.

Согласно действующему канадскому законодательству, тяжкое убийство принципиально отличается от других видов виновного лишения жизни наличием намерения. Намерение может выражаться в следующих трех формах: 1) намерение убить кого-либо; 2) намерение причинить тяжкий телесный вред, в результате которого наступает смерть потерпевшего; 3) намерение совершить какое-либо преступление, в ходе которого погибает человек»¹.

В странах континентального права ответственность за убийство предусмотрена в кодифицированном законодательстве – Уголовных кодексах.

В соответствии с УК **ФРГ** самым тяжким преступлением является убийство. В отличие от российского законодательства, понятие убийства в УК ФРГ не закрепляется, согласно ст. 212 «...кто убивает другого человека при обстоятельствах, когда отсутствуют признаки тяжкого убийства, наказывается лишением свободы на срок не менее 5 лет; в особо тяжких случаях наказанием является пожизненное лишение свободы»². Кроме того, согласно ст. 222, убийством считается и причинение человеку смерти по неосторожности.

В **австрийском** законодательстве к преступлениям против жизни относятся: убийство при отягчающих обстоятельствах (§ 75); убийство без отягчающих обстоятельств (умышленное причинение смерти) (§ 76); убийство по требованию жертвы (§ 77); склонение к самоубийству (§ 78); убийство ребенка во время родов (§ 79); неосторожное убийство (§ 80); неосторожное убийство при особо опасных обстоятельствах (§ 81). Под убийством простого вида австрийский законодатель понимает аффектированное убийство, однако в названии § 76 УК Австрии ничего об этом не говорится³.

Уголовный кодекс **Швейцарии** предусматривает уголовную ответственность за умышленное убийство. Согласно ст. 111 тому, кто умышленно убивает человека, если отсутствуют особые предпосылки, указанные в ст. 112 Уголовного кодекса, назначается наказание – каторжная тюрьма на срок не менее пяти лет⁴. В самостоятельных статьях предусматривается ответственность за тяжкое убийство,

¹ Никифоров, А.С. Ответственность за простое убийство в современном континентальном и англо-американском праве / А.С. Никифоров // Журнал российского права. – 2000. – № 1. – С. 154–161.

² Уголовный кодекс ФРГ. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2001. – С. 81.

³ Растропов, С.В. Преступления против жизни в УК РФ и УК Австрии: сходства и различия / С.В. Растропов // Вестник института: преступления, наказание, исправление. – 2015. – № 4(32). – С. 6.

⁴ Уголовный кодекс Швейцарии. – М.: ИКД «Зерцало-М», 1998. – С. 86.

убийство в состоянии аффекта, убийство по просьбе потерпевшего, склонение к самоубийству, детоубийство, неосторожное убийство.

Уголовное законодательство **Испании** предусматривает ответственность за причинение смерти другому человеку, который виновен в убийстве, совершенном при отягчающих обстоятельствах, и наказывается по ст. ст. 139, 140 УК Испании¹.

Уголовный кодекс **Польши** в ч. 1 ст. 148 за убийство человека устанавливает ответственность в виде лишения свободы на срок не меньше 8 лет, наказание лишением свободы на срок до 25 лет либо наказание пожизненным лишением свободы. Часть 2 ст. 148 предусматривает ответственность за убийство, совершенное при отягчающих обстоятельствах. В самостоятельных статьях Уголовного кодекса предусмотрена ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка, убийство человека по его просьбе.

УК **Швеции** в главе 3 «О преступлениях против жизни и здоровья» в ст. 1 предусматривает ответственность за лишение жизни другого человека: за тяжкое убийство – в виде тюремного заключения на срок в десять лет, за простое убийство – тюремное заключение на срок не менее шести и не более десяти лет².

Статья 288 УК **Голландии** определяет: «Простое убийство, за которым следует, которое сопровождается или которому предшествует уголовное правонарушение и которое совершается с целью подготовки или содействия исполнению преступления, или, если преступник, будучи застигнут *in flagrante delicto*, совершает убийство либо, стремясь избежать наказания, либо с целью завладения незаконно полученной собственностью в своих интересах или в интересах других лиц, участвующих в этом преступлении, наказывается пожизненным тюремным заключением или сроком тюремного заключения не более двадцати лет или штрафом пятой категории»³.

Уголовный Кодекс **Японии** содержит главу 26 «Преступления, состоящие в убийстве». В ст. 199 установлена ответственность за убийство: тот, кто убил человека, наказывается смертной казнью либо лишением свободы с принудительным физическим трудом без срока или на срок не ниже трех лет. Самостоятельной нормой предусмотрена ответственность за убийство родственника по восходящей линии (ст. 200 УК Японии), приготовление к убийству (ст. 201), участие в самоубийстве или убийстве с согласия, покушение на совершение убийства⁴.

Уголовный кодекс **Китайской Народной Республики** содержит главу 4 «Преступления против прав граждан на жизнь и демократических прав граждан», в которой находится ст. 232 – «умышленное убийство», расположена она после преступлений против государственной безопасности, общественной безопасности, преступлений, связанных нарушением порядков социалистического

¹ Уголовный кодекс Испании. – М.: ИКД «Зерцало–М», 2000. – С. 94.

² Уголовный кодекс Швеции. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – С. 76.

³ Уголовный кодекс Голландии. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – С. 132.

⁴ Уголовный кодекс Японии. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – С. 98.

рынка¹. Глава 4 охватывает все преступления против жизни. Под убийством УК КНР признает причинение смерти гражданину, совершенное умышленно.

«Объектом убийства УК КНР признает общественные отношения, направленные на охрану жизни граждан. Объективная сторона состоит в противоправном умышленном лишении жизни другого человека. Субъектом убийства является лицо, достигшее четырнадцатилетнего возраста. Лицо должно быть вменяемым, так как в соответствии со ст. 18 УК КНР – лица, страдающие психическими заболеваниями, за вредные последствия, возникшие в момент, когда они не могли отдавать себе отчета в своих действиях или руководить ими, не несут уголовной ответственности. Субъективная сторона убийства характеризуется умышленной виной, умысел при этом может быть как прямой, так и косвенный.

Наказание в виде лишения свободы (срочного/бессрочного), а также в виде смертной казни предусмотрено за умышленное убийство и неумышленные действия, приведшие к смерти человека».

Что касается стран ближнего зарубежья, то в некоторых из них законодатель в числе признаков убийства называет и противоправность.

В ст. 96 УК *Республики Казахстан* под убийством понимается противоправное умышленное причинение смерти другому человеку. Объективная сторона состоит в противоправном лишении жизни другого человека. Субъектом убийства может быть вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 14 лет. Субъективная сторона убийства характеризуется умышленной виной, умысел может быть как прямым, так и косвенным.

Согласно ч. 1 ст. 115 Уголовного кодекса *Украины*, «убийство, то есть умышленное противоправное причинение смерти другому человеку, – наказывается лишением свободы на срок от семи до пятнадцати лет»².

Определение «простого убийства» дано в ч. 1 ст. 139 Уголовного кодекса Республики Беларусь «умышленное противоправное лишение жизни другого человека (убийство) – наказывается лишением свободы на срок от шести до пятнадцати лет»³.

С указанным подходом законодателей данных стран соглашается З.Б. Соктоев: «в качестве одного из признаков убийства в уголовных законах Беларуси и Украины использован признак противоправности. В определении убийства по российскому уголовному законодательству противоправность деяния лишь подразумевается. Между тем этот признак позволяет признать разрешенным правом следующие виды умышленного причинения смерти другому человеку: вооруженному противнику во время войны или вооруженного конфликта; посягающему при соблюдении условий правомерности необходимой обороны; преступнику при его задержании; человеку при определенных условиях крайней

¹ Уголовный Кодекс Китайской Народной Республики. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – С. 86.

² Уголовный кодекс Украины. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2000. – С. 68.

³ Уголовный кодекс Республики Беларусь. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – С. 88.

необходимости и т.д. Причинение смерти при указанных обстоятельствах признается реализацией естественного права человека на жизнь и ее защиту, что могло бы найти свое отражение в легальном определении понятия убийства в ч. 1 ст. 105 УК РФ»¹.

В целом, анализ уголовного законодательства зарубежных стран показал, что во всех странах устанавливается уголовная ответственность за причинение смерти другому человеку. Уголовные кодексы ФРГ, Швеции, КНР не дают определения убийства, при этом, исходя из диспозиций соответствующих статей, под убийством в этих странах понимают не только умышленное причинение смерти другому человеку, но и причинение смерти по неосторожности.

В качестве положительного опыта следует указать на законодательное закрепление такого признака убийства как противоправность.

Выводы по разделу 1

Исследуя эволюцию уголовной ответственности за преступления против жизни, мы пришли к следующим выводам.

Законодатель Древней Руси, царской, а также советской России всегда устанавливал уголовную ответственность за убийство как самое тяжкое преступление против жизни, однако понятие данного преступления в нормативных актах не закреплялось. Как в Древней Руси, так и в царской России при дифференциации уголовной ответственности за убийство учитывались такие признаки как личность преступника, мотивы совершения преступления, характеристика потерпевшего и т.д. Нередко статус жертвы убийства обуславливал «классовый, сословный» характер ответственности за убийство. В качестве наказания за убийство всегда преобладала смертная казнь. Как дополнительное наказание применялись вира, каторга, заточение в монастырь и др.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. положило начало разграничению убийств на умышленные и неосторожные. С развитием российского общества устанавливаются квалифицированные виды умышленного убийства, признаются смягчающими такие обстоятельства, как превышение пределов необходимой обороны, состояние аффекта.

Убийство, предусмотренное ч. 1 ст. 105 УК РФ, является основным составом данного вида преступлений не только потому, что такие убийства составляют около 60 % от числа всех совершенных убийств, но и в связи с тем, что в этой норме содержится определение понятия убийства. Данное преступление не без оснований называют простым убийством, т. к. сама по себе часть 1 ст. 105 УК РФ не содержит каких-либо квалифицирующих признаков, а применяется лишь в тех случаях, когда в преступлении отсутствуют квалифицирующие и привилегирующие признаки.

¹ Соктоев, З.Б. Рецензия на книгу: Преступления против личности в уголовном праве Беларуси, России и Украины / П.А. Андрушко, А.А. Арямов, Н.А. Бабий и др.; отв. ред. А.И. Чучаев. М., 2014. 680 с. // Lex Russica. – 2014. – № 2. – С. 243.

Законодатель определил убийство как умышленное причинение смерти другому человеку, что позволило прекратить длительную дискуссию о допустимости неосторожной формы вины при совершении убийства. В то же время полагаем, что данную дефиницию следует дополнить указанием на противоправность лишения жизни потерпевшего. Этот признак позволит отграничить убийство от правомерного причинения смерти при обстоятельствах, исключающих преступность деяния.

Правоприменительная практика по ч.1 ст.105 УК РФ квалифицирует убийства из мести, возникшей на почве личных отношений; из ревности; в ссоре или драке; в связи с неправомерными действиями потерпевшего; из сострадания по просьбе потерпевшего; лица, ошибочно принятого за нападающего при отсутствии признаков мнимой обороны (из трусости) и т. п. Таким образом, как простое должны расцениваться все убийства, которые не могут быть квалифицированы по ч. 2 ст. 105 и ст. ст. 106–108 УК РФ, в том числе, и так называемые безмотивные убийства.

В законодательстве других стран убийство также признается наиболее тяжким преступлением. Для уголовного права США, Франции и Испании характерно деление посягательств против жизни на простое и тяжкое убийство. Если в России, ФРГ, Франции и в ряде других стран континентального права законодатель под простым убийством понимает умышленное убийство, совершенное без квалифицирующих обстоятельств, то в Великобритании и США статутное и общее право наряду с умышленным убийством признает простым убийством и причинение смерти по неосторожности. За незначительными исключениями в уголовном праве стран континентального и общего права квалифицированным (тяжким) убийством является только умышленное убийство.

2 УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УБИЙСТВА

2.1 Анализ объективных признаков убийства

Объект преступления всегда являлся темой для дискуссии в уголовно-правовой науке. В теории уголовного права бывшего СССР с начала 1920-х гг. длительное время преобладала точка зрения, согласно которой «объектом преступления являются общественные отношения»¹. При этом под общественными отношениями понимались «отношения между людьми в процессе их совместной деятельности или общения, находящиеся под охраной правовых или моральных норм».

Отдельные авторы считали, что объектом преступления могут быть признаны нормы права². Однако общеизвестно, что «объектом посягательства может быть признано только то, чему преступление причиняет или может причинить ущерб». В то же время правовая норма, в том числе и уголовно-правовая, ущерба от преступления не терпит.

По мнению В.Н. Кудрявцева, «при совершении преступлений против личности объектом посягательства являются не общественные отношения, а человек. Человек в нашем государстве ценен не только как носитель общественных отношений и производитель материальных благ... Между тем ряд преступлений посягает в первую очередь на жизнь и телесное здоровье человека... на его психическое здоровье и моральные установки... Во всех этих случаях правильно говорить о людях как одном из объектов указанных посягательств»³.

Этой же точки зрения придерживается Г.П. Новоселов, полагая, что объект преступления – это «тот, против кого оно совершается, т.е. отдельные лица или какое-то множество лиц, материальные или нематериальные ценности которых, будучи поставленными под уголовно-правовую охрану, подвергаются преступному воздействию, в результате чего этим лицам причиняется вред или создается угроза причинения вреда»⁴.

Представители классической и социологической школ признавали объектом преступления правовые блага, жизненные интересы и т. п. Так, Н.С. Таганцев отмечал, что «жизненным проявлением нормы может быть только то, что вызывает ее возникновение, придает ей содержание, служит для ее оправданием, – это интересы жизни, интересы человеческого общежития в широком обобщенном значении всего, что обуславливает бытие, преуспевание отдельной личности, общества, государства и всего человечества в их физической, умственной и моральной сферах... Посягательство на норму права в

¹ Никифоров, Б.С. Объект преступления / Б.С. Никифоров. – М.: Госюриздат, 1960. – С. 29.

² Советское уголовное право. Общая часть. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. – С. 91.

³ Курс советского уголовного права. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. – С. 278.

⁴ Уголовное право. Общая часть / под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой, Г.П. Новоселова. – М.: Норма, 2008. – С. 135.

ее реальном бытии является посягательством на правоохраняемый интерес жизни, на правовое благо»¹.

В то же время ставшие уже традиционными трактовка и восприятие объекта преступления как совокупности общественных отношений и сегодня продолжают оставаться господствующими в науке уголовного права. Вместе с тем приведенное понимание объекта деяния в ряде случаев не срабатывает и, по мнению А.В. Наумова, нуждается в пересмотре.

Прежде всего, это относится к преступлениям против личности, в частности, к убийству человека. Ранее было принято считать, что объектом убийства является жизнь человека не как таковая сама по себе, а именно в смысле совокупности общественных отношений. Однако представляется более правильным мнение тех специалистов, которые полагают, что «подобное понимание жизни человека как объекта убийства явно принижает абсолютную ценность человека как биологического явления. Человек из самостоятельной абсолютной ценности превратился в носителя общественных отношений (трудовых, служебных, семейных, собственности и т. д.). Подменять жизнь человека отношениями, обеспечивающими его жизнь, исключительно негуманно»². Как правильно отметил А.В. Наумов, «теория объекта преступления как общественных отношений не может быть признана общей универсальной, и представляется возможным возвращение к теории объекта как правового блага, созданной еще в конце прошлого века в рамках классической и социологической школ уголовного права»³.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что объект преступления – это охраняемые уголовным законом социально значимые ценности, интересы и блага, на которые посягает преступление и которым в результате его совершения причиняется или может быть причинен вред.

Исходя из названия раздела VII УК РФ, родовым объектом убийства является личность. В качестве видового объекта убийства следует рассматривать жизнь и здоровье человека. Непосредственным объектом убийства является жизнь другого человека.

«Совершить оконченное убийство можно лишь путем причинения вреда его объекту, поскольку состав убийства сконструирован законодателем как материальный. Следовательно, важно определить момент начала жизни и её окончания, ибо до её начала и после окончания нельзя совершить оконченного убийства. В таких ситуациях можно вести речь лишь о покушении на убийство либо о другом преступлении».

¹ Таганцев, Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая / Н.С. Таганцев. В 2-х т. Т. 1. – М.: Наука, 1994. – С. 29.

² Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. – М.: Проспект, 2016. – С. 66.

³ Наумов, А.В. Российское уголовное право: курс лекций. Т. 1. Общая часть / А.В. Наумов. – М.: Юрид. лит., 2004. – С. 179.

«Жизнь – это временное состояние, период самопроизвольного психофизиологического существования человека. Жизнь начинается с момента рождения человека и заканчивается его смертью».

Рождение (роды – физиологический процесс появления на свет младенца) как момент начала жизни по-разному трактуется в юридической литературе. Предлагается, в основном, три позиции: 1) это момент начала родов¹; 2) это момент отделения плода тела от матери² и 3) это момент самостоятельного дыхания ребенка³.

Полагаем, что вторая точка зрения на начало жизни заслуживает внимания, тем более, что она согласуется с законодательством в сфере здравоохранения. Так, нормативное определение момента начала жизни содержится в ч. 1 ст. 53 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и определяется моментом отделения плода от организма матери посредством родов⁴. Медицинские критерии живорождения определены в Приказе Минздравсоцразвития России «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи»:

«1) срок беременности 22 недели и более;

2) масса тела ребенка при рождении 500 грамм и более (или менее 500 грамм при многоплодных родах);

3) длина тела ребенка при рождении 25 см и более (в случае, если масса тела ребенка при рождении неизвестна);

4) срок беременности менее 22 недель или масса тела ребенка при рождении менее 500 грамм, или в случае, если масса тела при рождении неизвестна, длина тела ребенка менее 25 см, – при продолжительности жизни более 168 часов после рождения (7 суток).

Признаками живорождения являются: дыхание, сердцебиение, пульсация пуповины или произвольные движения мускулатуры независимо от того, перерезана пуповина и отделилась ли плацента»⁵.

Таким образом, момент начала жизни следует связывать с полным отделением плода от организма матери (кроме пуповины) при наличии одного из дополнительных условий: дыхания, сердцебиения, пульсации пуповины либо произвольного движения мускулатуры.

¹ Жижиленко А.А. Преступления против личности / А.А. Жижиленко – М.: Юрлитиздат, 1927. – С. 27.

² Пионтковский, А.А. Советское уголовное право. Т. II. Часть Особенная / А.А. Пионтковский. – М.: Юрлитиздат, 1928. – С. 341.

³ Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник для юридических вузов / под ред. Б.В. Здравомыслова. – М.: Юристъ, 1996. – С. 20–21.

⁴ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323–ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». – СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Приказ Минздравсоцразвития России от 27.12.2011 № 1687н «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи». – СПС «КонсультантПлюс».

Если младенец появился на свет мертворожденным, то посягательство на него с целью лишения жизни следует квалифицировать по направленности умысла виновного как покушение на убийство.

Для решения вопроса об ответственности за оконченное убийство имеет значение время наступления смерти (момент окончания жизни).

М.В. Архипова и Д.В. Слинков отмечают, что «вопрос о моменте наступления смерти человека в медицинской литературе является дискуссионным. Одни авторы полагают, что смерть человека наступает с момента прекращения дыхания и сердцебиения. Другие считают сердцебиение не абсолютным доказательством жизни. Но признается бесспорным наступление смерти с момента органических изменений в головном мозге и центральной нервной системе. До наступления этих изменений смерть человека называют клинической. Встречаются случаи, когда после наступления клинической смерти удастся восстановить дыхание и сердцебиение и вернуть человека к жизни»¹.

«Смерть человека – это необратимое прекращение жизнедеятельности его организма». В настоящее время определение момента смерти человека осуществляется на основании ст. 66 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»: «моментом смерти человека является момент смерти его мозга или его биологической смерти (необратимой гибели человека)» (п. 1); «смерть мозга наступает при полном и необратимом прекращении всех его функций, регистрируемом при работающем сердце и искусственной вентиляции легких» (п. 2); «биологическая смерть человека устанавливается на основании наличия ранних и (или) поздних трупных изменений» (п. 4)².

Порядок определения момента смерти человека, в том числе критерии и процедура установления смерти человека, а также порядок прекращения реанимационных мероприятий регламентируются Постановлением правительства РФ³. Диагноз смерти мозга человека устанавливается соответствующим Приказом Минздрава России⁴.

«Уголовно-правовой охране в РФ в равной мере подлежит жизнь любого человека независимо от его возраста, состояния здоровья или его социальной значимости. Российское уголовное законодательство не допускает лишения жизни и безнадежно больного человека, даже при наличии его согласия или

¹ Архипова, М.В. Преступления против личности / М.В. Архипова, Д.В. Слинков. – Иркутск: Издательство БГУЭП, 2007. – С. 7.

² Федеральный закон от 21.11.2011 № 323–ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». – СПС «КонсультантПлюс».

³ Постановление Правительства РФ от 20.09.2012 № 950 «Об утверждении Правил определения момента смерти человека, в том числе критериев и процедуры установления смерти человека, Правил прекращения реанимационных мероприятий и формы протокола установления смерти человека». – СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Приказ Минздрава России от 25.12.2014 № 908н «О Порядке установления диагноза смерти мозга человека». – СПС «КонсультантПлюс».

просьбы (эвтаназия). Равная защита всех людей от преступных посягательств на их жизнь – важнейший принцип уголовного права».

Именно равноценностью объекта объясняется, почему причинение смерти человеку, ошибочно принятому за другого, не рассматривается как «ошибка в объекте» и не влияет на квалификацию содеянного как оконченного убийства.

Усиление ответственности за отдельные виды посягательств на жизнь (ст. ст. 205, 206, 277, 295, 317 УК РФ) связано не с повышенной ценностью жизни потерпевших, а с наличием одновременно другого объекта преступления.

Немаловажное значение при квалификации отдельных видов убийств имеет характер поведения потерпевшего в момент совершения преступления или перед его совершением. Этот вопрос освещается в пункте 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 27 января 1999 г.: при назначении наказания за убийство, наравне с другими обстоятельствами, должны исследоваться данные, относящиеся к личности потерпевшего, его взаимоотношению с подсудимым, а так же поведение, предшествовавшее убийству.

«Характер поведения потерпевшего в известных случаях может не только рассматриваться как смягчающее или отягчающее обстоятельство, но даже влиять на квалификацию действий лица, причинившего смерть».

Объективная сторона убийства – это внешняя характеристика рассматриваемого преступления. По мнению В.Н. Кудрявцева, «объективная сторона есть процесс общественно опасного и противоправного посягательства на охраняемые законом интересы, рассматриваемые с его внешней стороны с точки зрения последовательного развития тех событий и явлений, которые начинаются с преступного действия (бездействия) субъекта и заканчиваются наступлением преступного результата»¹.

Таким образом, убийство с объективной стороны представляет собой общественно опасное деяние (действие или бездействие), причиняющее смерть другому человеку.

Преступное действие – это акт внешнего активного поведения лица, находившегося под контролем сознания, осуществленный вольно собственными телодвижениями данного человека

В судебной практике встречаются следующие варианты воздействия на человека при посягательстве на его жизнь.

1. Механическое воздействие.

А. Смерть наступает вследствие использования твердых тупых предметов (предметов обихода, бытовых приборов, мебели и др.).

Так, Иванов, действуя умышленно, из личных неприязненных отношений, с целью убийства МКА, нанес последнему не менее двух ударов рукой в область головы, после чего приискал на месте преступления деревянный брус, которым нанес не менее 10 ударов в жизненно-важные части тела МКА – голову и

¹ Цит. по: Российское уголовное право: Особенная часть / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. – М.: Статут, 2012. – С. 141.

туловище, а также верхние конечности. Смерть потерпевшего МКА наступила от черепно-мозговой травмы¹.

В другом примере Сучков с целью убийства нанёс обухом топора не менее одиннадцати ударов в голову П.Н.Ф. и не менее трех ударов по его конечностям, в результате чего смерть потерпевшего наступила на месте происшествия².

Б. Смерть наступает вследствие использования острых предметов, чаще всего хозяйственно-бытового назначения – режущих, колющих, колюще-режущих, рубящих и пилящих.

Например, Абдуллаев вооружился сувенирным ножом, который находился при нем в кармане его куртки, и нанес потерпевшему не менее 10 ударов клинком ножа в жизненно важные части тела – область лица, шеи и левой верхней конечности, причинив ему смерть³.

В другом случае Норицин приисканным ранее в своей квартире топором нанес лежащему на постели С.С.В. не менее девяти ударов в область головы, а также не менее двух ударов неустановленным тупым твердым предметом в область правой половины грудной клетки. Смерть С.С.В. наступила в результате причинения указанных телесных повреждений на месте происшествия⁴.

В. Смерть наступает вследствие использования огнестрельного оружия.

Так, Гильфанов, вооружившись обрезом двуствольного охотничьего ружья, произвёл выстрел в область передней поверхности груди слева Б.А.С., причинив ему тем самым огнестрельное дробовое ранение передней поверхности груди, осложнившееся кровотечением, от которого наступила смерть Б.А.С. на месте происшествия⁵.

Г. Смерть наступает вследствие использования различных предметов для удушения потерпевшего.

Например, Крюков, реализовывая свой умысел на убийство ФИО2, приискал в подвальном помещении фрагмент металлической проволоки длиной около 94 см и, используя его в качестве орудия совершения преступления, накинул на шею ФИО2. Крюков стал с силой затягивать фрагмент проволоки на шее потерпевшей, перекрыв тем самым доступ кислорода в ее легкие, и удерживал его таким образом до наступления смерти потерпевшей, вследствие сдавления петель⁶.

В другом случае Юдаков, реализуя свой преступный умысел, направленный на причинение смерти ФИО3, подошел к ней и схватил своими руками за

¹ Приговор Ленинского районного суда г. Челябинска по делу № 1–76/2015 от 24.04.2015 г. – «Росправосудие».

² Приговор Коркинского городского суда Челябинской области по делу № 1–91/2014 от 6 июня 2014 г. – «Росправосудие».

³ Приговор Верхнеуфалейского городского суда Челябинской области по делу № 1–116/2014 от 6 октября 2014 г. – «Росправосудие».

⁴ Приговор Копейского городского суда Челябинской области по делу № 1–285/2014 от 15 августа 2014 г. – «Росправосудие».

⁵ Приговор Коркинского городского суда Челябинской области по делу 1–90/2014 от 22 мая 2014 г. – «Росправосудие».

⁶ Приговор Тракторозаводского районного суда г. Челябинска по делу № 1–226/2014 от 4 июня 2014 г. – «Росправосудие».

металлическую цепочку, которая была одета на шею ФИОЗ, и стал с силой сдавливать цепочкой шею потерпевшей, тем самым перекрывая доступ кислорода, и продолжал сдавливать до тех пор, пока последняя не скончалась в результате механической асфиксии на месте происшествия¹.

В третьем случае Саркисова, реализуя умысел на убийство своей престарелой тетки, за которой она осуществляла уход, сначала нанесла потерпевшей руками не менее 7 ударов в область головы, не менее 3 ударов по туловищу, не менее 9 ударов по правой ноге, не менее 12 ударов по левой ноге, не менее 10 ударов по правой руке, не менее 15 ударов по левой руке. После чего с силой засунула в полость рта потерпевшей полотенце, перекрыв доступ воздуха в ее организм, что привело к ее смерти².

Д. Смерть наступает в результате повреждений, причиняемых невооруженным человеком – они могут быть нанесены головой, руками, кулаком и ладонью (плешмя, ребром), пальцами (сдавление частей тела); ногами – стопами и голенью, а также массой своего тела (сдавление).

Так, Лобанов напал на ФИОЗ и умышленно, с силой, нанес руками, сжатыми в кулак, не менее двадцати ударов в область головы и тела ФИОЗ, то есть в его жизненно важные органы. Непосредственно после этого Лобанов, удерживая руками потерпевшего за волосы его головы, не менее трех раз ударил ФИОЗ затылочной частью головы о землю. Далее, Лобанов нанес ногами ФИОЗ не менее десяти ударов в область головы. Затем Лобанов подошел сзади к потерпевшему, лежавшему на земле, обхватил предплечьем правой руки его шею и стал с силой сжимать ее своим правым предплечьем на протяжении нескольких минут, перекрыв доступ кислорода в организм потерпевшего, лишив его тем самым некоторое время возможности дышать. Свои действия, направленные на убийство ФИОЗ, Лобанов прекратил лишь после того как убедился в смерти потерпевшего³.

2. Смерть наступает вследствие химического воздействия на организм – при использовании веществ, которые даже в малых дозах вызывают отравление.

3. Смерть наступает вследствие повреждений, вызванных физическими факторами: воздействие высоких или, наоборот, низких температур, электричества, звуковой волны, а также облучения.

4. Смерть наступает вследствие посредственного причинения – использования лиц, не подлежащих уголовной ответственности (малолетних, невменяемых и лиц, действующих невиновно), а также в результате натравливания на потерпевшего собак или иных животных.

5. Смерть наступает вследствие психического воздействия на потерпевшего, страдающего тяжелым заболеванием сердечнососудистой системы, которое

¹ Приговор Центрального районного суда г. Челябинска по делу № 1–191/2015. – «Росправосудие».

² Приговор Центрального районного суда г. Челябинска по делу № 1–20/2017 (1–468/2016). – «Росправосудие».

³ Приговор Увельского районного суда Челябинской области по делу № 1–65/2015 от 14 октября 2015 г. – «Росправосудие».

вызывает инсульт, инфаркт, испуг или иное переживание с последующей остановкой сердца.

6. Доведение потерпевшего до самоубийства в такой обстановке, когда у него не остается выбора – покончить с собой или погибнуть от рук виновного. С.В. Бородин по этому поводу указывал: «если лицо с прямым умыслом доводит зависимого человека до самоубийства, то такие действия квалифицируются как убийство. Эти действия фактически ничем, кроме способа лишения жизни, не отличаются от смертельного ранения, отравления»¹.

Деяние при убийстве может быть выражено не только в виде активных действий, но и в виде бездействия субъекта преступления. «Преступное бездействие – это общественно опасный акт внешнего пассивного поведения лица, находящегося под контролем сознания, и состоящий в несовершении лицом того действия, которое оно должно было и могло выполнить».

Таким образом, ответственность за смерть, наступившую в результате бездействия, может быть признана лишь в тех случаях, когда лицо должно было и могло сделать то, в невыполнении чего его обвиняют.

«Бездействие может проявляться в непредоставлении потерпевшему средств для поддержания жизнедеятельности организма или в неустранении опасности для его жизни, в результате чего потерпевший погибает. Бездействие, таким образом, должно характеризоваться следующими объективными признаками:

- 1) невозможность или нежелание потерпевшего самому поддерживать важные жизненные функции своего организма либо избежать наступления смерти;
- 2) обязанность виновного обеспечить жизнедеятельность этих функций либо безопасность жизни (устранить опасность для жизни);
- 3) наличие реальной возможности в данный конкретный момент выполнить эту обязанность;
- 4) неисполнение указанной обязанности».

Для привлечения лица к уголовной ответственности за бездействие недостаточно констатировать наличие правовой обязанности. Необходимо также установить, что в данной обстановке лицо имело реальную возможность совершить требуемые от него действия. «В основе оценки возможностей обвиняемого действовать определенным образом лежит субъективный критерий: мог ли данный человек, учитывая его знания, квалификацию, опыт, состояние здоровья, в данной конкретной обстановке совершить то действие, которое от него требовалось, если бы он проявил максимум доступной ему активности».

Убийство относится к таким преступлениям, при которых для наличия оконченного состава требуется наступление вредных последствий – смерти потерпевшего. Таким образом, смерть потерпевшего является обязательным признаком объективной стороны убийства. Если потерпевший выжил по независящим от виновного обстоятельствам, ответственность последнего может наступить только за неоконченное убийство (см. параграф 3.1 данной работы).

¹ Бородин, С.В. Преступления против жизни / С.В. Бородин. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – С. 52.

«Причинная связь между деянием и последствием является третьим обязательным признаком объективной стороны состава убийства. Эта связь объективна и имеет уголовно-правовое значение, если она является прямой (необходимой), а не косвенной (случайной)»¹.

«Причинная связь характеризуется следующими признаками:

- 1) деяние (действие или бездействие), являясь причиной, предшествует по времени наступлению смерти;
- 2) деяние является необходимым условием наступления смерти, т. е. таким условием, без которого смерть при имеющихся обстоятельствах не могла бы наступить;
- 3) деяние по своему характеру и с учетом конкретных обстоятельств в момент совершения создает неизбежность или реальную возможность непосредственного причинения смерти либо возникновения последующего звена причинности, закономерно приводящего к ней;
- 4) смерть наступает именно в результате воплощения неизбежности или реальной возможности в действительность, т. е. является действительным прямым (закономерным) последствием деяния, а не следствием побочных причин, не связанных с деянием или связанных с ним случайно и неожиданно вторгшихся в закономерный причинно-следственный процесс».

«Не имеет значения, наступила ли смерть сразу или последовала спустя какой-то промежуток времени после преступного деяния. Главное, что между этим деянием и смертью потерпевшего была установлена причинная связь, а именно смерть потерпевшего должна явиться необходимым и закономерным результатом действий (бездействий) виновного, а не случайным ее последствием»².

В некоторых случаях установление причинной связи представляет определенные трудности для правоприменителя. Это возможно в ситуации, когда смерть потерпевшего наступает в результате совокупности нескольких причин.

Например, Черепанов с целью причинения смерти потерпевшему З.А.Г. нанес ему не менее двух ударов рукой в область головы, отчего потерпевший упал на пол. После этого Черепанов приискал два полиэтиленовых пакета и, используя их в качестве орудия совершения преступления, надел пакеты на голову потерпевшему, края которых стянул вокруг шеи З.А.Г. После этого, желая наступления смерти потерпевшего, Черепанов удерживал, стягивал и сдавливал руками и пакетами лицо и шею потерпевшего, перекрывая доступ кислорода в организм потерпевшего через дыхательные пути. В результате действий Черепанова З.А.Г. перестал подавать какие-либо внешние признаки жизни, вследствие чего Черепанов предположил, что довел свой умысел на убийство до конца, и в результате его действий наступила смерть потерпевшего. После этого Черепанов, допуская, что потерпевший мог находиться в бессознательном

¹ Ковалев, М.И. Проблемы учения об объективной стороне состава преступления / М.И. Ковалев. – Красноярск: Издательство: Изд-во Краснояр. ун-та, 1991. – С. 105.

² Архипова, М.В. Убийство: уголовно-правовая и криминологическая характеристика / М.В. Архипова, Е.А. Редькина, Ю.Е. Трикоз. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2008. – С. 25.

состоянии, осознавая неизбежность наступления его смерти, сбросил не подававшего внешних признаков жизни З.А.Г. в колодец с водой, после чего забросал и засыпал его кирпичами, шлакоблоками и земляным грунтом. Позже труп был обнаружен в колодце в ходе оперативно-розыскных мероприятий.

По заключению судебно-медицинской экспертизы установить достоверно причину смерти З.А.Г. по имеющимся данным не представляется возможным ввиду того, что на момент первичного и повторного судебно-медицинского исследования трупа ткани его подверглись выраженным гнилостным изменениям. Каких-либо повреждений, которые могли бы сами по себе рассматриваться как возможная причина смерти, не установлено. Наступление смерти пострадавшего возможно в результате механической асфиксии от закрытия отверстий рта и носа, при этом каких-либо телесных повреждений, которые могли бы быть обнаружены при исследовании трупа, находящегося в состоянии гнилостных изменений, не образуется. Указанные выше факты позволяют допустить вероятность наступления смерти З.А.Г. в результате механической асфиксии от закрытия отверстий рта и носа. Также не исключается вероятность наступления смерти потерпевшего в результате утопления.

Исследовав доказательства в их совокупности, суд нашел виновность Черепанова в убийстве, то есть умышленном причинении смерти З.А.Г., установленной. Между действиями подсудимого Черепанова и общественно опасными последствиями – смертью потерпевшего, по мнению суда, существует прямая причинная связь¹.

При анализе объективной стороны убийства необходимо уделять тщательное внимание исследованию места и времени, способов и орудий, а также всей обстановки совершения этого преступления.

Обстановка совершения убийства имеет значение не только для решения вопроса о наличии или отсутствии причинной связи, но и при определенных обстоятельствах для оценки степени тяжести и квалификации этого преступления.

Необходимо также изучение способа совершения преступления для правильной квалификации деяния, так как некоторые способы убийства учитываются в качестве отягчающего обстоятельства (особая жестокость, общеопасный способ), за которые предусмотрена ответственность по соответствующим пунктам ч. 2 ст. 105 УК РФ.

2.2 Анализ субъективных признаков убийства

Субъективная сторона преступления, в отличие от объективной, являясь внутренней характеристикой преступления, определяет психическую деятельность лица в момент совершения преступления. Обязательным признаком субъективной стороны любого преступления является вина.

¹ Приговор Советского районного суда г. Челябинска по делу № 1–256/2014 от 25 декабря 2014 г. – «Росправосудие».

«Вина – это психическое отношение лица к совершенному им общественно опасному деянию, предусмотренному уголовным законом, и его общественно опасным последствиям в форме умысла или неосторожности».

Как следует из законодательного определения убийства, оно может быть совершено только умышленно, причем вне зависимости от его вида – является ли оно простым, квалифицированным или привилегированным. В связи с этим при квалификации убийства судом должно быть обязательно установлено, что оно совершено с умышленной формой вины, причем определение вида умысла в некоторых случаях также является обязательным.

При прямом умысле виновный осознает, что его деяние является общественно опасным, предвидит возможность или неизбежность лишения его жизни и желает наступления данного последствия.

Интеллектуальный момент вины, таким образом, в первую очередь, характеризуется осознанием виновным всех фактических обстоятельств совершаемого деяния, в том числе, того факта, что он лишает жизни другого человека.

Поскольку в объективную сторону убийства входит и причинная связь между действиями (бездействием) лица и наступившими преступными последствиями (смертью потерпевшего), осознание виновного должно охватывать и эту связь. Для наличия умысла вовсе не требуется, чтобы лицо во всех деталях предвидело развитие причинной связи, достаточно предвидения ее в общих чертах.

Второй составляющей интеллектуального момента прямого умысла является определенная степень предвидения преступного результата. «Убийца предвидит, что в результате его действий (бездействия) может наступить смерть потерпевшего. При этом прямой умысел может быть в том случае, когда наступление смерти мыслится как неизбежное последствие его действий (бездействия), так и в том случае, когда оно представляется как вероятное или возможное последствие».

Например, по делу Меньшенина суд установил, что об умысле подсудимого на убийство Б. свидетельствуют его целенаправленные действия. Нанося удары ножом в область грудной клетки, головы, шеи, где находятся жизненно важные органы человека, причём два из них в заднюю часть тела, Меньшенин не мог не понимать, а по обстоятельствам дела, безусловно, понимал и осознавал, что, действуя подобным образом, он может причинить смерть Б., чего, собственно, и добивался. Сам характер действий подсудимого также убедительно свидетельствует о наличии прямого умысла на убийство потерпевшей. В суде достоверно было установлено, что все свои действия подсудимый совершил только вследствие алкогольного опьянения, на почве внезапно возникших личных неприязненных отношений к потерпевшей. Характер действий подсудимого, как во время совершения преступления, так и после него, количество нанесенных

потерпевшей повреждений, их локализация и тяжесть неопровержимо свидетельствуют о наличии умысла Меньшенина на убийство потерпевшей¹.

Волевой момент прямого умысла при убийстве характеризуется желанием наступления смерти потерпевшего. Виновный стремится лишить его жизни и направляет свои усилия на достижение этой цели.

Так, по делу Иванова суд пришел к выводу, что, подсудимый действовал с прямым умыслом на убийство потерпевшего, об этом свидетельствует как количество (не менее 10), так и направленность ударов деревянным брусом в жизненно-важные части тела – туловище и голову потерпевшего МКА. Механизм причинения телесных повреждений, их локализация, способ и орудия причинения, свидетельствуют о направленности умысла Иванова именно на лишение жизни МКА².

Косвенный умысел при убийстве заключается в том, что лицо осознает общественно опасный характер своего деяния, предвидит реальную возможность наступления смерти потерпевшего, не желает лишения его жизни, но при этом сознательно допускает смерть потерпевшего либо относится к ней безразлично.

«Интеллектуальный момент косвенного умысла по существу ничем не отличается от интеллектуального момента умысла прямого. Различие состоит только в том, что при прямом умисле субъект предвидит как неизбежность наступление смерти потерпевшего, так и вероятность или возможность ее наступления, а при косвенном умисле лицо предвидит лишь возможность лишения жизни потерпевшего. Сознание неизбежности наступления преступных последствий несовместимо с их нежеланием и лишь сознательным допущением, что является необходимой предпосылкой косвенного умысла. Если судом будет установлено, что лицо предвидело неизбежность наступления смерти, это свидетельствует о наличии прямого умысла на убийство».

«Волевой момент косвенного умысла заключается в нежелании наступления смерти потерпевшего, но при этом предполагается ее сознательное допущение либо безразличное к ней отношение. При косвенном умисле лицо не желает наступления преступных последствий, ибо преследует совершенно другую цель. Ради достижения этой цели лицо сознательно допускает возможность наступления смерти потерпевшего либо безразлично к ней относится. Чаще всего, преступные последствия при косвенном умисле мыслятся виновным как возможный побочный результат его деятельности, направленной на осуществление иных преступных и не преступных целей».

Например, Матвиенко, безразлично относясь к последствиям своих действий, нанесла В. лезвием указанного ножа не менее одного удара в место расположения жизненно важных органов – поясничную область справа. Суд установил, что Матвиенко осознавала общественную опасность своих действий, предвидела

¹ Приговор Коркинского городского суда Челябинской области по делу №1–181/2015 от 26 августа 2015 г. – «Росправосудие».

² Приговор Ленинского районного суда г Челябинска по делу № 1–76/2015 от 24 апреля 2015 г. – «Росправосудие».

возможность наступления общественно опасных последствий в виде смерти В. и относилась к этому безразлично, т. е. Матвиенко действовала с косвенным умыслом на причинение смерти потерпевшему¹.

«Следует заметить, что убийство с косвенным умыслом российский законодатель и судебная практика не рассматривают как менее опасный вид. Смерть человека – настолько тяжкое последствие, что и безразличное отношение виновного к ее наступлению свидетельствует о высокой степени общественной опасности содеянного. Закон в ст. 25 УК РФ вообще не противопоставляет косвенный умысел прямому, а, наоборот, объединяет их». Разграничение прямого и косвенного умысла имеет существенное значение при решении вопроса об ответственности за покушение на убийство (об этом подробнее в следующем параграфе данной работы).

Для квалификации убийства не имеет значения момент формирования умысла. В российском уголовном праве преднамеренное убийство не рассматривается как более тяжкий вид преступления. Общественная опасность убийства зависит от цели или мотива преступления, способа лишения жизни потерпевшего и других признаков, которые закон признает отягчающими.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 1 постановления от 27.01.1999 г. требует устанавливать мотивы и цели убийства по каждому делу. Это позволит отграничить простое убийство от смежных составов преступлений.

Так, некоторые мотивы и цели убийств выделены в ч. 2 ст. 105 УК РФ как квалифицирующие признаки. Цели пресечения посягательства или задержания преступника являются признаками привилегированных убийств, ответственность за которые предусмотрена в ст. 108 УК РФ. Особое эмоциональное состояние может расцениваться как аффект, что влечет квалификацию убийства по ст. 107 УК РФ.

Как уже отмечалось, «для простого убийства характерны такие мотивы, как месть, ревность, зависть, неприязнь или ненависть, возникшие на почве личных отношений. Возможно также убийство из сострадания к безнадежно больному или раненому; из ложного представления о своем общественном или служебном долге; из страха перед ожидаемым или предполагаемым нападением при отсутствии состояния необходимой обороны и т. д. Как простое убийство квалифицируется умышленное причинение смерти в обоюдной драке или ссоре под влиянием эмоциональных мотивов гнева, ярости, страха за свою жизнь при отсутствии признаков сильного душевного волнения. В судебной практике к мотивам простого убийства относят также стремление выделиться в глазах окружающих, укрепить свой авторитет в преступной среде».

Субъект преступления, с позиции уголовного закона, – «лицо, подлежащее уголовной ответственности» (из названия главы 4 УК РФ) или «лицо, совершившее преступление» (ст. 23 УК РФ).

¹ Апелляционный приговор Верховного суда Республики Бурятия по делу № 22–550/2016 от 15 марта 2016 г. – «Росправосудие».

В теории уголовного права субъект преступления – это достигшее возраста, установленного законом, вменяемое физическое лицо, совершившее противоправное общественно опасное деяние. Таким образом, субъектом преступления может быть лишь физическое, вменяемое лицо, достигшее определенного возраста.

В соответствии с ч. 2 ст. 20 УК РФ уголовная ответственность за убийство, предусмотренное ст. 105, наступает с 14 лет. Понижение возраста уголовной ответственности в данном случае вполне оправдано, т. к. общественная опасность посягательства на жизнь доступна для понимания каждым подростком.

Вменяемость – такое состояние психически здорового человека, которое проявляется в «способности в момент совершения убийства осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими».

«Сомнение во вменяемости обвиняемого в убийстве может возникнуть у следователя и суда по целому ряду причин. Нередко на эту мысль наталкивает странное, неправильное, нелепое поведение обвиняемого, как в момент совершения преступления, так и после него – во время задержания, в ходе следствия и тому подобное. Иногда подозрение на психическое расстройство может возникнуть из-за кажущейся непонятности или неясности мотива убийства, из-за необычной жестокости, проявленной убийцей. В таких случаях для установления вменяемости назначается судебно-психиатрическая экспертиза».

Так, Абдуллаев нанес потерпевшему не менее 10 ударов клинком ножа в жизненно важные части тела потерпевшего – область лица, шеи и левой верхней конечности, а так же нанес ему не менее 3 ударов руками и ногами, в область головы, лица, шеи, левого плеча. Свидетель ФИО23 показала, что Абдуллаев рассказал ей, что зарезал потерпевшего «как барана».

Заключением комиссии судебных было установлено, что Абдуллаев каким-либо хроническим психическим расстройством, временным психическим расстройством, слабоумием или иным болезненным состоянием психики, лишаящим его способности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими, не страдал в период, относящийся к инкриминируемому деянию, и не страдает в настоящее время.

В момент содеянного находился в состоянии простого алкогольного опьянения. Он мог и может осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими, как в период, относящийся к инкриминируемому деянию, так и в настоящее время¹.

В отношении субъекта закон не выдвигает никаких условий, кроме тех, на которые указано выше. В законе лишь названы отдельные признаки субъекта убийства, влияющие на квалификацию этого преступления.

¹ Приговор Верхнеуфалейского городского суда Челябинской области по делу № 1–116/2014 от 6 октября 2014 г. – «Росправосудие».

Выводы по разделу 2

Непосредственным объектом убийства является жизнь другого человека, независимо от его пола, возраста, социального положения, вероисповедания, состояния здоровья и других личностных характеристик потерпевшего. Моментом начала жизни следует считать момент отделения плода от тела матери, т. к. именно с этого момента можно говорить о самостоятельной жизни человека. Потерпевшим является другой человек. Самоубийство не является преступлением по действующему российскому законодательству.

С объективной стороны убийство может быть совершено как путем активного воздействия на жертву, так и путем бездействия. Смерть потерпевшего – обязательный признак объективной стороны преступления. Обязательным условием ответственности за убийство является наличие причинно-следственной связи между действием (бездействием) виновного лица и смертью потерпевшего. Убийство характеризуется непосредственной, конкретной причинной связью. При этом нужно помнить, что причинная связь между деянием (действием и бездействием), посягающим на убийство и наступившим результатом – смертью потерпевшего, может быть не прямой, а опосредованной с помощью каких-то обстоятельств. Это могут быть а) механические или электронные взрывные устройства; б) использование действий малолетних или невменяемых; в) использование произвольных действий других лиц; г) использование сил природы; д) использование сил животных; е) использование действий самого потерпевшего.

С субъективной стороны убийство может быть только умышленным с прямым или косвенным умыслом. Анализ субъективной стороны при квалификации убийства представляет известную сложность. Неточности вывода при таком анализе нередко влекут за собой квалификационные ошибки. При квалификации убийства следует не только выявить, что оно совершено умышленно, но и определить вид умысла.

Как простое убийство в судебной практике чаще всего квалифицируются убийства, совершенные по мотивам мести, возникшей на почве личных неприязненных отношений, ревности, в ссоре или драке. Убийства из сострадания или по религиозным соображениям встречаются редко.

В соответствии с п. 2 ст. 20 УК РФ уголовная ответственность за убийство, предусмотренное ст. 105, наступает с 14 лет. Субъект убийства – физическое, вменяемое лицо, достигшее четырнадцатилетнего возраста.

Понижение возраста уголовной ответственности в данном случае вполне оправдано, т. к. общественная опасность посягательства на жизнь доступна для понимания каждым подростком.

3 ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА

3.1 Квалификация неоконченного убийства

Неоконченным преступлением признается приготовление к преступлению и покушение на преступление. При этом квалификация неоконченных убийств имеет существенные особенности.

В ст. 30 УК РФ перечислены формы приготовления к преступлению: «приискание, изготовление или приспособление лицом средств или орудий совершения преступления, приискание соучастников преступления, сговор на совершение преступления либо иное умышленное создание условий для совершения преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам».

«Приискание средств или орудий убийства может выразиться в приобретении ножа, пистолета, ружья, веревки и любого другого предмета, который по своим свойствам пригоден для использования при совершении убийства. Для ответственности за приготовление к убийству необходимо, чтобы речь шла о приискании таких орудий или средств, которые по замыслу виновного будут использованы непосредственно для достижения преступного результата.

Изготовление или приспособление средств или орудий убийства может выразиться, прежде всего, в изменении формы или качества какого-либо предмета, после чего он становится пригодным или более приспособленным для совершения убийства. К приспособлению следует отнести и ремонт пистолета или иного оружия с тем, чтобы использовать его для убийства. Приспособлением будет изготовление яда из составных химических веществ».

Основанием для наступления уголовной ответственности за приготовление к убийству также является приискание соучастников и сговор на совершение преступления. «Во всех случаях, когда несколько лиц договариваются совершить убийство либо организатор готовит убийство, подстрекатель склоняет к нему, пособник дает советы или заранее обещает укрыть следы орудия преступления, или самого преступника, имеет место создание условий совершения убийства. Создание условий при предварительном сговоре характеризуется тем, что лица, договорившиеся совершить преступление – соучастники, имеют больше возможностей довести преступление до конца. При этом для квалификации действий виновного как приготовления к простому убийству необходимо установить, что предполагалось лишение жизни потерпевшего одним исполнителем». Иначе имеет место приготовление к квалифицированному убийству (п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Например, Нечаев, имея умысел на убийство Л., готовился к ее убийству путем приискания соучастников. Нечаев встретил ранее знакомую С., предложил ей совершить убийство Л., пообещав денежное вознаграждение. Получив согласие С., Нечаев приехал к ней домой, привез задаток, а через несколько дней к ранее переданным деньгам, привез еще деньги, при этом продолжая склонять С. к убийству Л. Позже С. приехала к Нечаеву и сказала, что ей для убийства Л.

необходимы еще деньги и попросила отдать ей оставшуюся сумму, после чего согласилась исполнить убийство Л. Нечаев, осознавая, что он склонил С. на исполнение убийства Л. путем подкупа, проследовал вместе с ней до банкомата, где снял с пластиковой карты деньги за исполнение убийства Л. Однако С., получив деньги, добровольно отказалась от исполнения убийства Л., распорядившись деньгами по своему усмотрению. Т. о. Нечаеву по независящим от него обстоятельствам, не удалось склонить С. к совершению убийства Л., то есть Нечаев совершил приготовление к преступлению (ч. 1 ст. 30 и ч. 1 ст. 105 УК РФ)¹.

Приготовлением к убийству должно признаваться и совершение других преступлений с целью устранения препятствий либо создания условий для убийства – например, хищение оружия для использования его при убийстве. В этом случае требуется квалификация по совокупности со ст. 226 УК РФ.

Для привлечения к ответственности за приготовление к убийству очень важно отграничить приготовление от обнаружения умысла. По сути, обнаружение умысла еще не создает условий для совершения преступления, поэтому общественной опасностью не обладает. В связи с тем, что мысли и убеждения ненаказуемы по российскому уголовному праву, обнаружение умысла, не подкрепленное какими-либо конкретными действиями (хотя бы приисканием соучастников), не влечет уголовной ответственности.

«Изучение судебной практики по делам об убийстве показывает, что за приготовление к убийству виновные к уголовной ответственности привлекаются сравнительно редко. Чаще всего в тех случаях, когда приготовительные действия к убийству имеют место, по ним еще нельзя с уверенностью сказать, что лицо готовится к совершению этого преступления. Например, приобретение ножа, топора, ружья, веревки и т. п. предметов не свидетельствует само по себе о приготовлении к убийству, поскольку они могут быть приобретены и в иных целях. Кроме того, для привлечения лица к уголовной ответственности за приготовление к убийству необходимо установить наличие умысла на совершение данного преступления, а это возможно далеко не всегда».

Дела о покушении на убийство в судебной практике встречаются значительно чаще, чем о приготовлении к убийству. Как покушение на убийство квалифицируются действия лица, непосредственно направленные на причинение смерти другому человеку, если они по обстоятельствам, не зависящим от воли виновного, не привели к этому результату. Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что «покушение на убийство возможно лишь с прямым умыслом, то есть когда содеянное свидетельствовало о том, что виновный осознавал общественную опасность своих действий (бездействия), предвидел возможность или неизбежность наступления смерти другого человека и желал ее наступления,

¹ Приговор Ленинск-Кузнецкого городского суда Кемеровской области по делу № 398/2012(12650125) от 15 июня 2012 г. – «Росправосудие».

но смертельный исход не наступил по не зависящим от него обстоятельствам»¹.

Причиной, вследствие которой виновному не удастся добиться смерти потерпевшего, может быть активное сопротивление последнего.

Например, Коновалов вооружился предметом, обладавшим колюще-режущими свойствами, которым безусловно и очевидно можно причинить телесные повреждения, не совместимые с жизнью, в вечернее время, в безлюдном месте, в результате неожиданных активных действий в ограниченном пространстве – салоне автомобиля, где находился совместно с потерпевшим, умышленно стал наносить удары, избрав целью нанесения – жизненно важные части тела – грудную клетку, а также шею, где расположены крупные кровеносные сосуды, повреждение которых неминуемо привело бы к смерти потерпевшего, что однозначно свидетельствует о прямом умысле подсудимого на убийство потерпевшего. Кроме того, Коновалов, реализовывая свой умысел на убийство потерпевшего, действовал агрессивно, первоначальный удар целенаправленно нанес в шею с силой, в результате чего была повреждена трахея, а последующий удар пришелся в грудную клетку потерпевшего справа, однако не смог лишить жизни потерпевшего ввиду того, что ФИО1 оказал активное сопротивление, в том числе путем предпринятых попыток удержать подсудимого в салоне автомобиля, ограничивая возможность нанесения последующих ударов, и, обеспечивая невозможность дальнейшего причинения себе телесных повреждений. В результате оказанного активного сопротивления действия Коновалова были пресечены.

По мнению суда, Коновалов совершил все активные действия, направленные на убийство ФИО1, однако не смог довести до конца свой умысел, вследствие не зависящих от него обстоятельств.

Доводы защиты и подсудимого, что у Коновалова отсутствовал умысел на убийство, ничего не мешало продолжить нанесение ударов, от которых неминуемо бы наступила смерть на месте преступления, являются несостоятельными. Суд находит, что нанесение подсудимым ударов в жизненно-важные органы человека и выбор в качестве орудия преступления предмета с колюще-режущими свойствами, которыми возможно нарушить анатомическую целостность тканей человека, свидетельствуют о наличии умысла на лишение жизни. Нанесение нескольких ударов, когда нанесение единственного удара с силой в область шеи являлось достаточным для лишения жизни ФИО1, локализация нанесенных ударов, являлись для Коновалова очевидными для достижения преступной цели, и нанесение всего двух, а не более ударов по телу потерпевшего, как установлено судом, связано с активным сопротивлением ФИО1, а не с субъективным волеизъявлением подсудимого².

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) (с изм. и доп.)». – СПС «КонсультантПлюс».

² Приговор Тракторозаводского районного суда г. Челябинска по делу № 1–189/2015 от 29 июня 2015 г. – «Росправосудие».

В другом уголовном деле потерпевший избежал смерти благодаря своей выдержке и смекалке. Так, Чуган, используя заранее приисканный нож, действуя умышленно, в целях причинения смерти потерпевшему, нанес множество ударов клинком в жизненно важные части тела В.Н. – в шею, грудную клетку и живот, а также в область левого плечевого сустава. От полученных ранений потерпевший упал на пол. Осознавая, что его жизни угрожает реальная опасность, В.Н. притворился мертвым. Чуган, полагая, что его действиями потерпевшему причинена смерть, прекратил наносить удары и отошел от потерпевшего.

Через непродолжительный промежуток времени, Чуган, желая удостовериться в том, что В.Н. мертв, подошел к нему, наклонился к лицу потерпевшего и, осознав, что В.Н. все еще дышит, высказал вслух намерение довести свой преступный умысел на его убийство до конца. В.Н. стал оказывать активное сопротивление, для чего повалил Чугана на пол, сел на него сверху и стал удерживать руку с ножом, которым Чуган пытался нанести удар, при этом позвал на помощь. Услышав крик, на кухню пришла Н.В., которая выхватила нож из руки Чугана, отбросила его в сторону, вызвала полицию и скорую медицинскую помощь¹.

Спасти потерпевшего от неминуемой гибели могут другие лица, препятствующие действиям виновного. Например, реализуя преступный умысел, направленный на убийство Г.А.В., Старостин нанес ему не менее пяти ударов руками в область головы и тела, затем приискал в указанном месте кухонный нож, вооружился им и, используя указанный нож в качестве орудия преступления, держа его в руке, подошел к Г.А.В. и, действуя умышленно, нанес потерпевшему указанным ножом не менее двух ударов в жизненно важную часть тела – голову. Затем Старостин с целью нанесения удара отвел руку, в которой у него находился нож, в сторону, высказывая Г.А.В. намерение его убить. Однако преступление не было доведено Старостиным до конца по не зависящим от него обстоятельствам, поскольку к нему подбежал С.А.В., который, пресекая его преступные действия, выбил из его руки нож, после чего уронил Старостина на пол, не давая последнему возможность причинить Г.А.В. телесные повреждения².

Жизнь потерпевшего может быть спасена в результате своевременного оказания медицинской помощи. Так, Ильин и потерпевший находились на остановке общественного транспорта «Площадь Революции», где между ними произошел конфликт, в ходе которого у Ильина возник преступный умысел на причинение смерти потерпевшему. Реализуя свой преступный умысел, Ильин нанес потерпевшему не менее 5 ударов обеими руками в область головы, после чего вооружился предметом, конструктивно схожим с ножом, и, используя его в качестве оружия, нанес потерпевшему не менее 11 целенаправленных умышленных ударов в жизненно-важные органы человека. Довести до конца свой

¹ Приговор Ленинского районного суда г. Магнитогорска по делу № 1–20/2015 от 24 февраля 2015 г. – «Росправосудие».

² Приговор Сосновского районного суда г. Челябинска по делу № 1–141/2015 от 19 мая 2015 г. – «Росправосудие».

преступный умысел, направленный на умышленное причинение смерти потерпевшему, Ильин не смог по независящим от него обстоятельствам: в связи с активным сопротивлением потерпевшего, а также пресечением противоправных действий третьим лицом и оказанием своевременной квалифицированной медицинской помощи потерпевшему. Совершив вышеуказанные преступные действия, Ильин с места преступления скрылся¹.

Покушение на убийство достаточно часто приходится разграничивать с причинением вреда здоровью потерпевшего различной тяжести. А.Н. Попов выделяет две распространенные ошибки, допускаемые при разграничении этих посягательств².

«Первая ошибка заключается в том, что решение о квалификации действий виновного как причинение вреда здоровью принимается на основании лишь того, что потерпевший остался жив, а виновный прекратил свои действия, имея возможность их продолжить».

Так, по одному из дел виновный нанес потерпевшему десять сильных ударов топором (три в область головы, семь — по различным частям туловища), однако, видя, что потерпевший еще подает признаки жизни, больше ударов наносить не стал, бросил топор и пошел в неизвестном направлении. В суде он утверждал, что когда он бросил топор, то направился за врачом, но ему не дали этого сделать люди, которые его задержали. Виновный обвинялся в покушении на убийство. Суд квалифицировал содеянное по ч. 1 ст. 111 УК РФ, при этом руководствовался следующим: виновный имел возможность довести умысел на убийство до конца, тем, не менее, он этого не сделал, следовательно, он или отказался от доведения убийства до конца, или у него умысла на убийство не было изначально. Поэтому его действия подлежат квалификации по фактически наступившим последствиям.

Представляется, что это было неправильное решение. В данном случае суд не учел направленность умысла виновного лица и характер действий, образующих объективную сторону состава преступления, а основывался на обстоятельствах, которые не имеют значения с точки зрения квалификации содеянного виновным. Это позволило виновному избежать заслуженного наказания. Между тем, исходя из того, что виновный нанес потерпевшему несколько сильных ударов топором по голове и туловищу, можно сделать вывод о том, что в момент нанесения потерпевшему ударов топором в жизненно важные центры он действовал с умыслом, направленным на лишение его жизни.

«Вторая ошибка в определенном смысле является продолжением первой. Деятельное раскаяние необоснованно признается добровольным отказом от убийства. Речь идет о ситуациях, когда виновный предпринимает активные действия, направленные на предотвращение смерти потерпевшего, которая может наступить в результате ранее совершенных им умышленных действий».

¹ Приговор Центрального районного суда г. Челябинска по делу № 1–33/2016 от 5 октября 2016 г. – «Росправосудие».

² Попов, А.Н. Разграничение преступлений против жизни со смежными составами по признакам вины / А.Н. Попов // Криминалистика. – 2014. – № 2 (15). – С. 5–6.

Так, А.Н. Попов приводит пример из судебной практики Ленинградской области. «К., мать-одиночка, имевшая четверых детей, решила избавиться от младшего, которому исполнилось несколько месяцев. Она вывезла ребенка на электричке за город, положила на землю и взятым для убийства ножом нанесла ему удар в область груди. Удар оказался несмертельным. Ребенок заплакал. Тогда К. нанесла второй удар, который также не причинил смертельного ранения. От боли ребенок кричал и плакал. Не выдержав страданий ребенка, женщина перевязала его пеленками и доставила в ближайшее медицинское учреждение, где ему оказали квалифицированную медицинскую помощь. В результате ударов ножом ребенку был причинен вред здоровью средней тяжести. Содеянное в этом случае не может быть квалифицировано по фактически наступившим последствиям, т. е. как причинение вреда здоровью, поскольку действия К. не могут быть признаны добровольным отказом от совершения преступления. В ее деянии имеется отказ от повторения покушения, а не добровольный отказ от убийства.

Добровольный отказ возможен только на стадии приготовления и неоконченного покушения. Поскольку имеются все признаки оконченного покушения (виновная выполнила действия, непосредственно направленные на лишение ребенка жизни), то добровольного отказа от убийства уже быть не может. Следовательно, данные действия образуют деятельное раскаяние, которое не влияет на квалификацию, но может быть учтено при назначении наказания. Действия К. подлежат квалификации как покушение на убийство»¹.

Таким образом, при разграничении покушения на убийство и причинения вреда здоровью решающее значение имеет установление вида умысла. О прямом умысле на причинение смерти могут свидетельствовать высказывание виновного о намерении совершить убийство еще до покушения на него, угроза убийством, попытка воспрепятствовать оказанию медицинской помощи после причинения тяжкого вреда здоровью и т. д.

Отсутствие данных о наличии прямого умысла на причинение смерти потерпевшему исключает ответственность за покушение на убийство.

Например, органами предварительного расследования Борисов обвинялся в совершении покушения на убийство. По версии следствия у Борисова на почве возникших неприязненных отношений к Б. возник умысел на его убийство. Реализуя умысел, Борисов вооружился кухонным ножом, подошел к лежащему на диване Б. и нанес ему не менее одного удара ножом в жизненно-важную часть тела в область шеи справа и замахнулся ножом для совершения последующих ударов. Б. с целью пресечения противоправных действий Борисова оттолкнул его и выбежал из дома на улицу. В этот же период времени Б.Е.И. с целью пресечения противоправных действий Борисова по отношению к ее сыну Б., стала наносить Борисову удары неустановленным в ходе следствия предметом в область головы и туловища, в результате чего Борисов не смог довести свои

¹ Попов, А.Н. Разграничение преступлений против жизни со смежными составами по признакам вины / А.Н. Попов // Криминалистика. – 2014. – № 2 (15). – С. 5–6.

действия, направленные на убийство Б., до конца по независящим от него обстоятельствам. В результате умышленных противоправных действий Борисова потерпевшему Б. были причинены следующие повреждения: слепое ранение мягких тканей шеи справа, которое по степени тяжести относится к легкому вреду здоровья, по признаку кратковременного расстройства здоровья.

В судебном заседании подсудимый Борисов свою вину в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 УК РФ, не признал, суду показал, что убивать Б. не хотел, умысла на это у него не было.

С учётом установленных судом обстоятельств дела, исследованных доказательств суд не смог прийти к однозначному выводу о том, что Борисов имел умысел на убийство потерпевшего Б., но не смог его реализовать по независящим от него обстоятельствам.

Согласно положений ч. 4 ст. 302 УПК РФ обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств.

По смыслу закона субъективная сторона покушения на убийство заключается в прямом умысле, не установление которого в деянии виновного означает отсутствие состава покушения на преступление.

По мнению суда содеянное Борисовым, с учётом установленных судом обстоятельств, необходимо квалифицировать по наступившим последствиям, по ч. 1 ст. 115 УК РФ как умышленное причинение лёгкого вреда здоровью, повлекшее кратковременное расстройство здоровья.

При рассмотрении дела потерпевший Б. заявил ходатайство о прекращении уголовного дела в отношении Борисова в связи с примирением с подсудимым, указывая, что Борисов принёс ему извинения за свои противоправные действия, претензий материального и морального характера к нему не имеет, простил его¹.

3.2 Отграничение убийства от смежных составов преступлений

В правоприменительной практике больше всего проблем возникает при отграничении убийства от умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111).

«Простое» убийство следует также отграничивать от квалифицированных убийств (ч. 2 ст. 105), причинения смерти по неосторожности (ст. 109), убийства, совершенного в состоянии аффекта (ст. 107), убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ст. 108).

«Вопрос о разграничении убийства и преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, возникает потому, что они с точки зрения объективной стороны и последствий полностью совпадают. Однако для убийства характерно наличие

¹ Постановление Нязепетровского районного суда Челябинской области по делу № 1–24 /2016 г. от 28 сентября 2016 г. – «Росправосудие».

прямого или косвенного умысла на причинение смерти потерпевшему, а для преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, – умысла на причинение тяжкого вреда здоровью и неосторожности к смерти. Следовательно, главный критерий разграничения – психическое отношение виновного к смерти потерпевшего»¹.

Изучение судебной практики показывает, что неправильная квалификация при разграничении убийства и преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, вызывается разными причинами. Самыми распространенными, по мнению С.В. Андруниной, являются следующие.

«Во-первых, содеянное виновным квалифицируется по ч. 4 ст. 111 УК РФ, исходя только из его показаний, в которых он, как правило, утверждает, что убивать не хотел.

Нельзя отрицать, что показания виновного играют важную роль при квалификации его действий, но они должны оцениваться в совокупности с другими обстоятельствами, установленными по делу. Кроме того, отсутствие прямого умысла на убийство потерпевшего вовсе не означает, что содеянное не должно квалифицироваться как убийство, поскольку возможен косвенный умысел к смерти потерпевшего, о существовании которого в подобных случаях забывать нельзя.

Во-вторых, решение вопроса о квалификации весьма часто принимается на основании только времени наступления смерти потерпевшего. Содеянное виновным квалифицируется как убийство, если смерть потерпевшего наступила спустя непродолжительное время после происшествия. Если же потерпевший скончался по истечении нескольких дней, а тем более недель, то применяется ч. 4 ст. 111 УК РФ.

Представляется, что время наступления смерти потерпевшего не может быть критерием разграничения убийства и преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, поскольку оно не исключает ни причинной связи, ни вины лица, совершившего преступление с умыслом на убийство. Оно находится за пределами сознания виновного, не входит в содержание его вины и не может изменить ее формы»².

Например, органами предварительного расследования Осипова обвинялась в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ. Между ней и потерпевшим на почве личных неприязненных отношений возникла ссора, в ходе которой ФИОЗ нанес один удар кулаком в лицо Осиповой. От полученного удара Осипова почувствовала сильную боль, и из носа у нее пошла кровь. Она присела на крыльцо, а затем резко встала, прошла в дом и взяла в руки кухонный нож, чтоб причинить боль ФИОЗ за его противоправные действия, после чего, выйдя

¹ Полянская, Е.А. Критерии отграничения убийства от причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего / ЕА. Полянская // Вестник молодых ученых Самарского государственного экономического университета. – 2017. – № 1. – С. 199.

² Андрунина, С.В. Ошибки, допущенные при квалификации преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 111 УК РФ – ч. 1 ст. 105 УК РФ / С.В. Андрунина // Современные проблемы права, экономики и управления. – 2016. – № 2(3). – С. 21–26.

во двор, подошла к ФИОЗ и умышленно нанесла клинком один удар в живот ФИОЗ, в результате чего, потерпевший упал, потеряв сознание. После чего ФИОЗ с места происшествия на автомобиле был перевезен в больницу, где была констатирована его смерть. Смерть наступила в течение относительно короткого промежутка времени (в пределах нескольких десятков минут) после получения им повреждения в виде проникающего колото-резаного ранения (раны) живота.

По мнению суда, совокупность исследованных фактических обстоятельств дела опровергает доводы обвинения о том, что Осипова умышленно причинила смерть потерпевшему ФИОЗ, то есть совершила убийство. Никто из свидетелей не слышал каких-либо словесных угроз убийства со стороны Осиповой в адрес ФИОЗ. Осипова имела реальную возможность нанести еще удары ножом, поскольку ФИОЗ был жив, что явно не свидетельствует о лишении его жизни. Осипова после удара выбежала со двора. Причины, по которым Осипова могла желать смерти ФИОЗ, по делу не усматриваются и не представлены стороной обвинения. Фактически чувство мести на фоне состояния алкогольного опьянения не позволило Осиповой правильно оценить сложившуюся ситуацию, скорректировать свои действия после полученного удара. Очевидно, что, не имея физического превосходства, получив удар кулаком в лицо от мужчины в ходе конфликта, Осипова решила отомстить «обидчику», для чего вооружилась ножом и, не дожидаясь иного неблагоприятного для себя развития ситуации, нанесла удар ножом с целью причинения тяжкого вреда здоровью, относясь безразлично к возможности наступления смерти.

Давая правовую оценку действиям подсудимой Осиповой, суд считает, что ее действия следует квалифицировать ч. 4 ст. 111 УК РФ, как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего¹.

В-третьих, по мнению А.Н. Попова, «в настоящее время получили распространение случаи, когда вопрос о квалификации решается, не исходя из содеянного виновным и обстоятельств совершения им преступления, а на основании подсудности дела. Так, изучение практики показывает, что при наличии всех признаков состава квалифицированного убийства содеянное виновным весьма часто квалифицируется по ч. 4 ст. 111 УК РФ только потому, что дело может быть рассмотрено районным судом и его не потребуются направлять в вышестоящий суд. Надо ли говорить о противозаконности подобных решений»².

В соответствии с рекомендациями Пленума Верховного Суда РФ при разграничении убийства и преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, необходимо исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного, в частности способа и орудия преступления, количества, характера и локализации

¹ Приговор Агаповского районного суда Челябинской области по делу № 1–19/2011(1–227/2010). – «Росправосудие».

² Попов, А.Н. Разграничение преступлений против жизни со смежными составами по признакам вины / А.Н. Попов // Криминалистика. – 2014. – № 2(15). – С. 7.

телесных повреждений, характера взаимоотношений сторон.

«При разграничении рассматриваемых составов важно обратить внимание на то, что для преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, характерна неосторожность по отношению к смерти потерпевшего. Поскольку смерти потерпевшего предшествуют действия, совершаемые с прямым или косвенным умыслом на причинение потерпевшему тяжкого вреда здоровью, то можно предположить, что отношение к смерти потерпевшего у виновного в подобных случаях выражается в форме преступного легкомыслия. Иначе говоря, виновный при совершении данного преступления предвидит возможность причинения потерпевшему смерти в результате своих действий, однако в силу каких-либо объективных обстоятельств рассчитывает на то, что смерть не наступит. Это должны быть реально существующие обстоятельства, могущие предотвратить наступление смерти потерпевшего или позволяющие избежать ее. Они должны быть установлены во всех случаях, когда виновному вменяется совершение преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ».

Естественно, при наличии признаков прямого конкретизированного умысла виновного лица на причинение потерпевшему смерти содеянное ни при каких обстоятельствах не может быть квалифицировано по ч. 4 ст. 111 УК РФ, а подлежит квалификации как убийство¹.

Вопрос о разграничении убийства и неосторожного причинения смерти тоже возникает достаточно часто. Как правило, речь идет о таких ситуациях, когда у виновного не было прямого умысла на убийство потерпевшего.

«При подобных обстоятельствах возникает вопрос об отграничении убийства с косвенным умыслом от преступления, совершенного в результате преступного легкомыслия. В этих случаях главным критерием также является отношение виновного к возможной смерти потерпевшего. Для преступного легкомыслия характерен расчет на предотвращение последствий, а для убийства с косвенным умыслом – безразличие или сознательное допущение последствий. Следовательно, если по делу установлено, что виновный безразлично относился к возможным последствиям своих действий или сознательно допускал смерть потерпевшего, содеянное должно квалифицироваться как убийство. Если показания виновного, а также обстоятельства дела свидетельствуют о том, что он рассчитывал на то, смерть потерпевшего не наступит, содеянное должно квалифицироваться как неосторожное причинение смерти».

Простое убийство следует отграничивать от квалифицированных и привилегированных видов убийства. Теоретически по ч. 1 ст. 105 УК РФ должны квалифицироваться убийства по остаточному принципу, т. е. те из них, которые не подпадают под действие ч. 2 ст. 105 и ст. ст. 106–108 УК РФ².

В правоприменительной практике проблемы разграничения простого и

¹ Сапожникова, К.А. Проблемы отграничения умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего от убийства / К.А. Сапожникова // Отечественная юриспруденция. – 2017. – Т. 1. – № 5(19). – С. 87–89.

² Кузнецова, В.В. Некоторые проблемы квалификации убийства / В.В. Кузнецова, Л.С. Буторина // Актуальные вопросы образования и науки. – 2017. – № 3(61). – С. 15.

квалифицированных убийств нередко связаны с установлением мотивов совершения преступления.

Так, квалификация убийства из мести осуществляется по ч. 1 ст. 105 УК РФ только в том случае, если судом не установлено специальных видов мести – за выполнение потерпевшим служебной деятельности или выполнение общественного долга (п. «б» ч. 2 ст. 105), кровной мести (п. «е.1» ч. 2 ст. 105) или мести на почве политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

«Кроме того, лишение жизни из ревности, мести следует отграничивать от убийства из хулиганских побуждений. В последнем случае виновным используется незначительный повод («косой» взгляд, отказ дать прикурить, несогласие девушки, чтобы ее проводили до дома, безобидная шутка и иные случаи посягательства на жизнь вообще без видимого повода). Напротив, если посягательство совершено из ревности, мести и других побуждений, возникших на почве личных неприязненных отношений, оно, независимо от места его совершения, не должно расцениваться как совершенное из хулиганских побуждений».

Представляет сложность квалификация убийств, учиненных в ссоре или драке, и, прежде всего, отграничение их от лишения жизни из хулиганских побуждений. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» судам рекомендуется исследовать, «кто являлся инициатором конфликта и не спровоцирован ли конфликт виновным для использования его в качестве повода для расправы. Если зачинщиком ссоры или драки явился потерпевший, а равно в случае, когда поводом к конфликту послужило его неправомерное поведение, виновный не может нести ответственность за убийство из хулиганских побуждений, налицо простое убийство».

Ссора или драка при убийстве сами по себе, без учета конкретных обстоятельств дела, не являются решающими признаками для квалификации преступления, это лишь обстоятельства, при которых совершается убийство, а мотивы его могут быть самыми различными.

«Для отграничения убийства из хулиганских побуждений от простого убийства в ссоре или драке важное значение приобретает установление следующих обстоятельств:

- кто – потерпевший или убийца – был зачинщиком (инициатором) ссоры или драки;
- какие взаимоотношения были между виновным и потерпевшим;
- что послужило поводом и причиной для возникновения ссоры и драки;
- каков был характер действий убийцы и потерпевшего во время ссоры и драки, кто из них является активной стороной».

Так, если зачинщиком и активной стороной в ссоре или драке являлся потерпевший, спровоцировавший столкновение, если поводом для ссоры или

драки послужили его неправомерные или аморальные действия, виновный в его убийстве не может отвечать за убийство из хулиганских побуждений.

В тех случаях, когда лишение жизни потерпевшего было спровоцировано его поведением (например, изменой) может возникнуть проблема разграничения простого убийства (по мотиву ревности) и убийства, совершенного в состоянии аффекта. Для квалификации убийства по ст. 107 УК РФ недостаточно, чтобы поводом для убийства стало противоправное или аморальное поведение потерпевшего. Необходимо установить, что в результате этой провокации у виновного внезапно возникло сильное душевное волнение (физиологический аффект), и сформировался умысел (аффективный) на убийство потерпевшего. Для установления или исключения аффекта обычно назначается судебная экспертиза.

Например, Норицин на почве личных неприязненных отношений нанес топором С.С.В. не менее девяти ударов в жизненно-важную часть тела потерпевшего – голову, а также не менее двух ударов неустановленным тупым твердым предметом в область правой половины грудной клетки. Мотивом совершения преступления явилась личная неприязнь к потерпевшему С.С.В., вызванная его интимными отношениями с Норициной.

Судом установлено, что подсудимый в момент убийства потерпевшего не находился в состоянии сильного душевного волнения, аффекта, так как признаков дезорганизации и дезориентации в его действиях не наблюдается. Норицин достаточно подробно описывает события, предшествующие нанесению ударов потерпевшему, также последующие за нанесением ударов события, на предварительном следствии давал показания о своих действиях и характере нанесенных ударов. Из заключения комиссии судебных экспертов следует, что в момент совершения правонарушения Норицин находился в состоянии эмоционального возбуждения на фоне простого алкогольного опьянения, которое не оказало существенного влияния на его сознание и деятельность. Действия испытуемого были последовательными, целенаправленными, без выраженной дезорганизации, сохранялся адекватный речевой контакт с окружающими¹.

Отграничение простого убийства от убийства при превышении пределов необходимой обороны, предусмотренного ч. 1 ст. 108 УК РФ, проводится по таким признакам как обстановка совершения преступления, мотив и цель убийства. Отсутствие состояния необходимой обороны в момент лишения жизни означает и отсутствие превышения ее пределов. В то же время, если убийство совершено хотя бы и в состоянии необходимой обороны, но не с целью пресечь посягательство, а по мотиву, например, мести за совершенное на виновного или других лиц нападение, преступление не может квалифицироваться по ст. 107 УК РФ. В таких случаях виновный должен нести ответственность за простое убийство (мотивы убийства – страх, месть).

Интерес в этом отношении представляет дело в отношении Юкхам и Голоднова. Органами предварительного расследования Юкхам обвинялся в

¹ Приговор Копейского городского суда Челябинской области по делу № 1–285/2014 от 15 августа 2014 г. – «Росправосудие».

простом убийстве, а Голоднов – в убийстве при превышении пределов необходимой обороны.

В ходе конфликта, возникшего внезапно между З.А.А. и Юхкам на почве личных неприязненных отношений, у З.А.А. возник умысел на причинение телесных повреждений Юхкам. Голоднов в это время находился в другой комнате квартиры. З.А.А. стал умышленно наносить Юхкам штангенциркулем и руками удары по голове, причиняя телесные повреждения. При этом Юхкам, пытаясь оказать З.А.А. сопротивление, кричал и звал на помощь. Голоднов же, услышав крики Юхкам о помощи, подошел и, увидев, что З.А.А. совершает в отношении Юхкам противоправные действия, с целью их пресечения, взяв молоток, нанес им З.А.А. удар в туловище, и несколько ударов в голову, после чего З.А.А. прекратил совершать противоправные действия в отношении Юхкам и упал. Голоднов также прекратил совершать какие-либо действия в отношении З.А.А. При этом в указанный момент З.А.А. какой-либо реальной опасности для жизни и здоровья Юхкам уже не представлял, встать не пытался.

Несмотря на это у Юхкам возник преступный умысел на убийство З.А.А., реализуя который, он, выхватив из рук Голоднова молоток, нанес З.А.А. несколько ударов молотком по голове и по телу. Затем Юхкам приискал неустановленный в ходе следствия предмет плоской формы, имеющий относительно плоскую кромку (лезвие), которым умышленно нанес З.А.А. не менее 8 ударов в жизненно важный орган – голову и несколько ударов по телу. Убедившись, что З.А.А. мертв, с целью избежания ответственности за содеянное Юхкам ножом вскрыл брюшную полость трупа, после чего избавились от него.

В судебном заседании однозначно установлено, что Юхкам, испытывая личную неприязнь к З.А.А. на почве произошедшего конфликта, умышленно причинил ему смерть. Учитывая отсутствие какой-либо угрозы для подсудимого Юхкам со стороны потерпевшего в момент начала нанесения им ударов молотком, принимая во внимание, что Юхкам действовал осознанно, целенаправленно, преступление совершил на почве злобы, обиды и личной неприязни, все в своей совокупности позволяет суду сделать вывод о том, что ни в состоянии необходимой обороны, ни при превышении ее пределов, Юхкам в момент совершения преступления не находился.

Установленные в судебном заседании обстоятельства произошедшего, обстановка, время и место совершения преступления, конкретные действия подсудимого Юхкам и потерпевшего до, во время и после совершения преступления, направленность умысла подсудимого и фактически наступившие по делу последствия, все в своей совокупности позволяет суду сделать вывод о совершении Юхкам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ. Оснований для переквалификации действий подсудимого на иной состав преступления, в том числе на ч. 1 ст. 108 УК РФ, о чем ставится вопросом стороной защиты, либо прекращения уголовного дела, суд не усматривает.

В то же время средства и метод защиты Голоднова соответствовали характеру и степени общественной опасности, исходивших от З.А.А., Голоднов, по мнению суда, действовал в состоянии необходимой обороны и не превысил ее пределы. В

связи с чем в его действиях отсутствует состав уголовно-наказуемого преступления. При таких обстоятельствах Голоднов подлежит оправданию по предъявленному обвинению в полном объеме, в связи с отсутствием в его действиях состава преступления¹.

Аналогично отграничивается простое убийство от убийства при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ч. 2 ст. 108 УК РФ). Если во время совершения убийства преступника отсутствовала обстановка его задержания, либо виновный совершил убийство не с целью доставления в органы власти и пресечения возможной преступной деятельности, а, например, по мотиву мести за совершенное потерпевшим преступление, содеянное должно квалифицироваться по ч. 1 ст. 105 УК РФ как простое убийство.

Анализ правоприменительной практики показывает, что нередко встречаются обстоятельства, отягчающие или смягчающие убийство, которые могут характеризовать и простое убийство: например, ревность с хулиганскими побуждениями, а также состоянием аффекта; месть на почве личных отношений с хулиганскими побуждениями, кровной местию, а также состоянием аффекта либо превышением пределов необходимой обороны; ссора и драка с хулиганскими побуждениями и особой жестокостью, а также с состоянием аффекта либо превышением пределов необходимой обороны. Именно в этих случаях преимущественно допускаются ошибки при разграничении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 105, с одной стороны, и ч. 2 ст. 105, ст. 107 и ст. 108 УК РФ – с другой.

«Разрешая вопрос об отграничении убийства от других преступлений, включающих в свой состав причинение смерти человеку, следует исходить, прежде всего, из определения понятия убийства. Вместе с тем необходимо учитывать, что оно, как и определение понятия любого преступления, является общим, отражающим лишь наиболее существенные черты (объект, на который направлено посягательство, объективную сторону преступления, его субъект и субъективную сторону)».

«В основе отграничения одного преступления от другого лежит объект посягательства, который в значительной мере определяет природу данного преступления и его общественную опасность. Отграничить убийство от другого преступления, сопряженного с посягательством на жизнь, по объекту преступления можно только путем выяснения наличия или отсутствия посягательства не только на жизнь человека, но и на другой объект, специально охраняемый законом. Так, при захвате заложников в случае совершения убийства объектом преступления, наряду с жизнью человека, выступают основы общественной безопасности; при умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть потерпевшего, объектом преступления, наряду с жизнью, оказывается и здоровье граждан, и т. д.».

¹ Приговор Копейского городского суда Челябинской области по делу № 1–249/2014 от 12 сентября 2014 г. – «Росправосудие».

В некоторых случаях для отграничения убийства от других преступлений может иметь значение и объективная сторона состава преступления. «Например, убийство может быть совершено путем действий виновного, а оставление в опасности путем бездействия. Наступление смерти потерпевшего как последствие преступления характерно не только для убийства. Наличие причинной связи между действием виновного и смертью потерпевшего необходимо для всех преступлений, при совершении которых может наступить смерть человека».

Иногда может иметь значение и субъект преступления. Например, уголовная ответственность за бандитизм наступает с 16 лет, а за убийство – с 14 лет. Поэтому, если вовлеченное в банду лицо в возрасте от 14 до 16 лет совершит убийство, оно будет нести ответственность не за бандитизм и убийство, а только за убийство.

Для отграничения убийства от других преступлений, связанных с причинением смерти человеку, существенное значение имеет вина. Наличие прямого или косвенного умысла на лишение человека жизни, как правило, свидетельствует о совершении убийства.

Таким образом, путем сопоставления признаков состава преступления в каждом конкретном случае имеется возможность отграничить простое убийство от других преступлений, связанных с лишением жизни человека.

Выводы по разделу 3

Квалификация простого убийства может вызывать определенные сложности, вызванные необходимостью отграничивать убийство от иных смежных составов преступления. В правоприменительной практике больше всего проблем возникает при отграничении убийства от умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111). «Простое» убийство следует также отграничивать от квалифицированных убийств (ч. 2 ст. 105), причинения смерти по неосторожности (ст. 109), убийства, совершенного в состоянии аффекта (ст. 107), убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ст. 108).

Отграничить убийство от другого преступления, сопряженного с посягательством на жизнь, по объекту преступления следует путем выяснения наличия или отсутствия посягательства не только на жизнь человека, но и на другой объект, специально охраняемый законом. Так, при умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, объектом преступления, наряду с жизнью, оказывается и здоровье потерпевшего, которое является основным объектом посягательства.

Для отграничения убийства от других преступлений в некоторых случаях может иметь значение и объективная сторона состава преступления. Например, отсутствие состояния необходимой обороны или обстановки по задержанию преступника в случае причинения смерти потерпевшему влечет применение ч. 1 ст. 105, а не ст. 108 УК РФ.

Для отграничения убийства от других преступлений, связанных с причинением смерти человеку, немаловажное значение имеет выяснение субъективной стороны преступного посягательства и, главным образом, вины. Наличие прямого или косвенного умысла на лишение человека жизни, как правило, свидетельствует о совершении убийства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение отметим, что преступления против жизни во все времена приковывали к себе внимание, поскольку убийство является одним из наиболее древних и резонансных преступлений. Жизнь человека не подлежит качественной или количественной оценке. Равная защита всех людей от преступных посягательств на их жизнь – важнейший принцип уголовного права. Уголовное законодательство Российской Федерации не допускает лишения жизни и безнадежно больного человека даже при наличии его согласия или просьбы (эвтаназия).

Убийство, предусмотренное ч. 1 ст. 105 УК РФ, является основным составом данного вида преступлений не только потому, что такие убийства составляют около 60 % от числа всех совершенных убийств, но и в связи с тем, что в этой норме содержится определение понятия убийства. Данное преступление не без оснований называют простым убийством, т. к. сама по себе часть 1 ст. 105 УК РФ не содержит каких-либо квалифицирующих признаков, а применяется лишь в тех случаях, когда в преступлении отсутствуют квалифицирующие и привилегирующие признаки.

Законодатель определил убийство как умышленное причинение смерти другому человеку, что позволило прекратить длительную дискуссию о допустимости неосторожной формы вины при совершении убийства. В то же время полагаем, что данную дефиницию следует дополнить указанием на противоправность лишения жизни потерпевшего. Этот признак позволит отграничить убийство от правомерного причинения смерти при обстоятельствах, исключающих преступность деяния.

Правоприменительная практика по ч. 1 ст. 105 УК РФ квалифицирует убийства из мести, возникшей на почве личных отношений; из ревности; в ссоре или драке; в связи с неправомерными действиями потерпевшего; из сострадания по просьбе потерпевшего; лица, ошибочно принятого за нападающего при отсутствии признаков мнимой обороны (из трусости) и т. п. Таким образом, как простое должны расцениваться все убийства, которые не могут быть квалифицированы по ч. 2 ст. 105 и ст. ст. 106–108 УК РФ, в том числе, и так называемые безмотивные убийства.

В законодательстве других стран убийство также признается наиболее тяжким преступлением. Для уголовного права США, Франции и Испании характерно деление посягательств против жизни на простое и тяжкое убийство. Если в России, ФРГ, Франции и в ряде других стран континентального права законодатель под простым убийством понимает умышленное убийство, совершенное без квалифицирующих обстоятельств, то в Великобритании и США статутное (законодательное) и общее (прецедентное) право наряду с умышленным убийством признает простым убийством и причинение смерти по неосторожности. За незначительными исключениями в уголовном праве стран континентального и общего права квалифицированным (тяжким) убийством является только умышленное убийство.

Квалификация простого убийства может вызывать определенные сложности, вызванные необходимостью отграничивать данное преступление от квалифицированных убийств и иных посягательств на жизнь или здоровье.

Анализ правоприменительной практики показывает, что нередко встречаются обстоятельства, отягчающие или смягчающие убийство, которые могут характеризовать и простое убийство: например, ревность с хулиганскими побуждениями, а также состоянием аффекта; месть на почве личных отношений с хулиганскими побуждениями, кровной местию, а также состоянием аффекта либо превышением пределов необходимой обороны; ссора и драка с хулиганскими побуждениями и особой жестокостью, а также с состоянием аффекта либо превышением пределов необходимой обороны. Именно в этих случаях преимущественно допускаются ошибки при разграничении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 105, с одной стороны, и ч. 2 ст. 105, ст. 107 и ст. 108 УК РФ – с другой.

Отграничить убийство от другого преступления, сопряженного с посягательством на жизнь, по объекту преступления следует путем выяснения наличия или отсутствия посягательства не только на жизнь человека, но и на другой объект, специально охраняемый законом. Так, при умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть потерпевшего, объектом преступления, наряду с жизнью, оказывается и здоровье граждан.

Для отграничения убийства от других преступлений в некоторых случаях может иметь значение и объективная сторона состава преступления. Например, отсутствие состояния необходимой обороны или обстановки по задержанию преступника в случае причинения смерти потерпевшему влечет применение ч. 1 ст. 105, а не ст. 108 УК РФ.

Для отграничения убийства от других преступлений, связанных с причинением смерти человеку, немаловажное значение имеет выяснение субъективной стороны преступного посягательства и, главным образом, вины. Наличие прямого или косвенного умысла на лишение человека жизни, как правило, свидетельствует о совершении убийства.

В заключение следует повторить, что убийство, без преувеличения, является самым тяжким преступлением против личности. Жизнь – это невозполнимое благо, потерю которого нельзя возместить никакими материальными компенсациями.

Охрана права на жизнь представляет одну из «сквозных» задач уголовного законодательства. Именно нормы об ответственности за убийство открывают Особенную часть Уголовного кодекса РФ, чем подчеркивается приоритетность этой задачи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Нормативные правовые акты

1. Международный пакт о гражданских и политических правах // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 17. – Ст. 291.
2. Всеобщая декларация прав человека // Российская газета. – 1995. – 5 апреля.
3. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. – 1993. – 25 декабря.
4. Уголовный кодекс Р.С.Ф.С.Р. // СУ РСФСР. – 1922. – № 15. – Ст. 153.
5. Уголовный кодекс Р.С.Ф.С.Р. // СУ РСФСР. – 1926. – № 80. – Ст. 600.
6. Уголовный кодекс РСФСР // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 591.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63–ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
8. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323–ФЗ (с изм. и доп.) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». – СПС «КонсультантПлюс».
9. Постановление Правительства РФ от 20.09.2012 № 950 «Об утверждении Правил определения момента смерти человека, в том числе критериев и процедуры установления смерти человека, Правил прекращения реанимационных мероприятий и формы протокола установления смерти человека». – СПС «КонсультантПлюс».
10. Приказ Минздравсоцразвития России от 27.12.2011 № 1687н «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи». – СПС «КонсультантПлюс».
11. Приказ Минздрава России от 25.12.2014 № 908н «О Порядке установления диагноза смерти мозга человека». – СПС «КонсультантПлюс».
12. Уголовный кодекс Голландии. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 510 с.
13. Уголовный кодекс Испании. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2000. – 218 с.
14. Уголовный Кодекс Китайской Народной Республики. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 303 с.
15. Уголовный кодекс Республики Беларусь. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 474 с.
16. Уголовный кодекс Республики Казахстан. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 466 с.
17. Уголовный кодекс Украины. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2000. – 393 с.
18. Уголовный кодекс ФРГ. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2001. – 208 с.
19. Уголовный кодекс Швейцарии. – М.: ИКД «Зерцало-М», 1998. – 138 с.
20. Уголовный кодекс Швеции. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 320 с.
21. Уголовный кодекс Японии. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 226 с.

Книги и статьи

22. Алиева, А.Р. Законодательство России о наказании за убийство: история и перспективы развития / А.Р. Алиева // Аллея науки. – 2017. – Т. 1. – № 12. – С. 165–168.

23. Андрюнина, С.В. Ошибки, допущенные при квалификации преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 111 УК РФ – ч.1 ст. 105 УК РФ / С.В. Андрюнина // Современные проблемы права, экономики и управления. – 2016. – № 2 (3). – С. 21–26.
24. Антонян, Ю.М. Криминологические черты агрессивного поведения / Ю.М. Антонян // Агрессия и психическое здоровье / под ред. Т.Б. Дмитриевой и Б.В. Шостаковича. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – С. 33–44.
25. Артюшина, О.В. Вопросы квалификации умышленных преступлений против жизни и здоровья / О.В. Артюшина // Правоприменение. – 2017. – Т. 1. – № 3. – С. 135–142.
26. Архипова, М.В. Преступления против личности / М.В. Архипова, Д.В. Слинков. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2007. – 162 с.
27. Архипова, М.В. Убийство: уголовно-правовая и криминологическая характеристика / М.В. Архипова, Е.А. Редькина, Ю.Е. Трикоз. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2008. – 139 с.
28. Бабичев, А.Г. Убийство при смягчающих обстоятельствах в странах с англосаксонской правовой системой / А.Г. Бабичев // Вопросы современной юриспруденции. – 2014. – № 42. – С. 64–69.
29. Бобров, И.А. Теоретические аспекты характеристики убийства как преступления против жизни в структуре уголовного законодательства РФ / И.А. Бобров // Наука и общество в современных условиях. – 2016. – № 1 (4). – С. 171–177.
30. Борзенков, Г.Н. Квалификация преступлений против жизни и здоровья: учебно-практическое пособие / Г.Н. Борзенков. – М.: Зерцало-М, 2005. – 144 с.
31. Бородин, С.В. Преступления против жизни / С.В. Бородин. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 467 с.
32. Бояров, С. Квалификация убийства из ревности / С. Бояров // Российская юстиция. – 2002. – № 8. – С. 39.
33. Жижиленко, А.А. Преступления против личности / А.А. Жижиленко. – М.: Юрлитиздат, 1927. – 140 с.
34. Загородников, Н.И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву / Н.И. Загородников. – М.: Госюриздат, 1961. – 278 с.
35. Калиновский, В.А. Понятие убийства на бытовой почве и особенности его совершения женщинами / В.А. Калиновский // Право и политика. – 2009. – № 7. – С. 35–37.
36. Ключевский, В.О. Русская история. Полный курс лекций. Т. 3 / В.О. Ключевский. – Ростов н/Д: Феникс, 1998. – 591 с.
37. Ковалев, М.И. Проблемы учения об объективной стороне состава преступления / М.И. Ковалев. – Красноярск: Издательство: Изд-во Краснояр. ун-та, 1991. – 176 с.
38. Козочкин, И.Д. Уголовное право США. Успехи и проблемы реформирования / И.Д. Козочкин. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2007. – 478 с.
39. Колокольцева, К.А. Уголовно-правовая характеристика простого убийства / К.А. Колокольцева // Молодой ученый. – 2015. – № 21 (101). – С. 614–616.

40. Конституция Российской Федерации. Комментарий / под ред. Б.Н. Топорина. – М.: Юрид. лит., 1994. – 623 с.
41. Красиков, А.Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России / А.Н. Красиков. – Саратов: Полиграфист, 1996. – 211 с.
42. Кузнецов В.И. Понятие убийства в российском уголовном праве / В.И. Кузнецов // Сибирский Юридический Вестник. – 2003. – № 4. – С. 41–46.
43. Кузнецова, В.В. Некоторые проблемы квалификации убийства / В.В. Кузнецова, Л.С. Буторина // Актуальные вопросы образования и науки. – 2017. – № 3 (61). – С. 15–19.
44. Курс советского уголовного права. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. – 648 с.
45. Курс уголовного права: учебник для вузов. В 5 т. Особенная часть. Т. 3. – М.: Зерцало, 2002. – 470 с.
46. Малешина, А.В. Ответственность за убийство по уголовному кодексу Канада / А.В. Малешина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2008. – № 4. – С. 50–59.
47. Матузов, Н.И. Личность. Права. Демократия / Н.И. Матузов. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1972. – 270 с.
48. Москвин, В.Г. Уголовная ответственность за убийство / В.Г. Москвин // Вестник магистратуры. – № 6(45). – Том 3. – С. 25–27.
49. Наумов, А.В. Российское уголовное право: курс лекций. Т. 1. Общая часть / А.В. Наумов. – М.: Юрид. лит., 2004. – 496 с.
50. Никифоров, А.С. Ответственность за простое убийство в современном континентальном и англо-американском праве / А.С. Никифоров // Журнал российского права. – 2000. – № 1. – С. 154–161.
51. Никифоров, Б.С. Объект преступления / Б.С. Никифоров. – М.: Госюриздат, 1960. – 230 с.
52. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: АЗЪ, 1997. – 944 с.
53. Пионтковский, А.А. Курс советского уголовного права / А.А. Пионтковский. – М.: Наука, 1971. – 516 с.
54. Пионтковский, А.А. Советское уголовное право. Т. II. Часть Особенная / А.А. Пионтковский. – М.: Юрлитиздат, 1928. – 546 с.
55. Плаксина, Т.А. Уголовная ответственность за убийства / Т.А. Плаксина. – Барнаул: Изд-во Алтайского госуниверситета, 1998. – 117 с.
56. Полянская, Е.А. Критерии отграничения убийства от причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего / Е.А. Полянская // Вестник молодых ученых Самарского государственного экономического университета. – 2017. – № 1. – С. 195–199.
57. Попов, А.Н. Разграничение преступлений против жизни со смежными составами по признакам вины / А.Н. Попов // Криминалистика. – 2014. – № 2 (15). – С. 3–11.
58. Потанина, С. Вспомним о церковном праве / С. Потанина // Российская юстиция. – 1999. – № 6. – С. 55.

59. Права человека. История, теория и практика / под ред. Б.Л. Назарова. – М.: РУССЛИТ, 1995. – 480 с.
60. Раджабов, Р.М. Проблема ответственности за убийство с особой жестокостью в уголовном праве зарубежных стран / Р.М. Раджабов // Юридическая психология. – 2008. – № 4. – С. 43–45.
61. Растропов, С.В. Преступления против жизни в УК РФ и УК Австрии: сходства и различия / С.В. Растропов // Вестник института: преступления, наказание, исправление. – 2015. – №4 (32). – С. 4–8.
62. Редин, М.П. О конструкции составов преступлений, предусмотренных статьями 277, 295, 317 УК РФ // Следователь. – 1999. – № 2. – С. 30–32.
63. Российское законодательство X–XX веков. Т. 1 / под ред. О.И. Чистякова. – М.: Юрид. лит., 1984. – 432 с.
64. Российское уголовное право: Особенная часть / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. – М.: Статут, 2012. – 623 с.
65. Сапожникова, К.А. Проблемы отграничения умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего от убийства / К.А. Сапожникова // Отечественная юриспруденция. – 2017. – Т. 1. – № 5 (19). – С. 87–89.
66. Серебренникова, А.В. Виды убийств по уголовному кодексу Федеративной республики Германии / А.В. Серебренникова // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2016. – № 1. – С.47–49.
67. Ситникова, А.И. Алгоритм и правила квалификации убийств, совершенных без отягчающих и смягчающих признаков (часть 1 статьи 105 Уголовного Кодекса Российской Федерации) / А.И. Ситникова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2017. – Т. 7. – № 2 (23). – С. 84–88.
68. Советское уголовное право. Общая часть. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. – 368 с.
69. Соктоев, З.Б. Рецензия на книгу: Преступления против личности в уголовном праве Беларуси, России и Украины / П.А. Андрушко, А.А. Арямов, Н.А. Бабий и др.; отв. ред. А.И. Чучаев. М., 2014. 680 с. // Lex Russica. – 2014. – № 2. – С. 242–247.
70. Таганцев, Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая / Н.С. Таганцев. В 2-х т. Т. 1. – М.: Наука, 1994. – 380 с.
71. Ткаченко, В.И. Квалификация преступлений против жизни и здоровья по советскому уголовному праву / В.И. Ткаченко. – М.: Юрид. лит., 1977. – 100 с.
72. Третьяков, К.В. Сравнительный анализ квалификации убийств по уголовному праву РФ и США / К.В. Третьяков // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2015. – № 3. – С. 195–198.
73. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. – М.: Проспект, 2016. – 1184 с.
74. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учебник для юридических вузов / под ред. Б.В. Здравомыслова. – М.: Юрист, 1996. – 480 с.

75. Уголовное право. Общая часть / под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой, Г.П. Новоселова. – М.: Норма, 2008. – 516 с.
76. Феоктистов, М. Квалификация убийств: некоторые вопросы теории и практики / М. Феоктистов, Е. Кочаров // Уголовное право. – 2000. – № 2. – С. 65–67.
77. Цыпин, В. «Кормчая книга» в русском церковном праве / В. Цыпин // Древнее право. – 1997. – № 1 (2). – С. 86–89.
78. Чалидзе, В. Уголовная Россия / В. Чалидзе. – М.: Терра, 1990. – 400 с.
79. Четвертин, В.А. Современные концепции естественного права / В.А. Четвертин. – М.: Наука, 1988. – 144 с.
80. Шаргородский, М.Д. Преступления против жизни и здоровья / М.Д. Шаргородский. – М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. – 511 с.
81. Швеков, В.Г. Первый советский уголовный кодекс: учебное пособие / Г.В. Швеков. – М.: Высш. шк., 1970. – 207 с.
82. Юшков, С.В. История государства и права СССР. Ч. 1 / С.В. Юшков. – М.: Госюриздат, 1961. – 679 с.

Постановления высших судебных инстанций и материалы судебной практики

83. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)». – СПС «КонсультантПлюс».
84. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2002 г. № 776п02 по делу Мальского и Панарина. – СПС «КонсультантПлюс».
85. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 4 окт. 2004 г. № 9–о04–45. – СПС «КонсультантПлюс».
86. Апелляционный приговор Верховного суда Республики Бурятия по делу № 22–550/2016 от 15 марта 2016 г. – «Росправосудие».
87. Постановление Нязепетровского районного суда Челябинской области по делу № 1–24 /2016 г. от 28 сентября 2016 г. – «Росправосудие».
88. Приговор Агаповского районного суда Челябинской области по делу № 1–19/2011 (1–227/2010). – «Росправосудие».
89. Приговор Аргаяшского районного суда Челябинской области по делу № 1–192/2014 от 11 ноября 2014 г. – «Росправосудие».
90. Приговор Варненского районного суда Челябинской области по делу № 1–111/2014 от 7 октября 2014 г. – «Росправосудие».
91. Приговор Верхнеуфалейского городского суда Челябинской области по делу № 1–116/2014 от 6 октября 2014 г. – «Росправосудие».
92. Приговор Центрального районного суда г. Челябинска по делу № 1–33/2016 от 5 октября 2016 г. – «Росправосудие».
93. Приговор Копейского городского суда Челябинской области по делу № 1–249/2014 от 12 сентября 2014 г. – «Росправосудие».
94. Приговор Копейского городского суда Челябинской области по делу № 1–285/2014 от 15 августа 2014 г. – «Росправосудие».

95. Приговор Коркинского городского суда Челябинской области по делу № 1–91/2014 от 6 июня 2014 г. – «Росправосудие».
96. Приговор Коркинского городского суда Челябинской области по делу № 1–90/2014 от 22 мая 2014 г. – «Росправосудие».
97. Приговор Коркинского городского суда Челябинской области по делу № 1–181/2015 от 26 августа 2015 г. – «Росправосудие».
98. Приговор Курчатовского районного суда г. Челябинска по делу № 1–229/2013 от 22 июня 2013 г. – «Росправосудие».
99. Приговор Ленинского районного суда г. Челябинска по делу № 1–76/2015 от 24 апреля 2015 г. – «Росправосудие».
100. Приговор Ленинского районного суда г. Магнитогорска по делу № 1–20/2015 от 24 февраля 2015 г. – «Росправосудие».
101. Приговор Ленинского районного суда г. Магнитогорска по делу № 1–196/2015 от 8 июля 2015 г. – «Росправосудие».
102. Приговор Ленинского районного суда г. Магнитогорска по делу № 1–235/2015 от 01 октября 2015 г. – «Росправосудие».
103. Приговор Ленинского районного суда г. Челябинска по делу № 1–76/2015 от 24 апреля 2015 г. – «Росправосудие».
104. Приговор Советского районного суда г. Челябинска по делу № 1–256/2014 от 25 декабря 2014 г. – «Росправосудие».
105. Приговор Сосновского районного суда г. Челябинска по делу № 1–141/2015 от 19 мая 2015 г. – «Росправосудие».
106. Приговор Тракторозаводского районного суда г. Челябинска по делу № 1–226/2014 от 4 июня 2014 г. – «Росправосудие».
107. Приговор Тракторозаводского районного суда г. Челябинска по делу № 1–189/2015 от 29 июня 2015 г. – «Росправосудие».
108. Приговор Увельского районного суда Челябинской области по делу № 1–65/2015 от 14 октября 2015 г. – «Росправосудие».
109. Приговор Центрального районного суда г. Челябинска по делу № 1–191/2015. – «Росправосудие».
110. Приговор Центрального районного суда г. Челябинска по делу № 1–20/2017 (1–468/2016). – «Росправосудие».
111. Приговор Центрального районного суда г. Челябинска по делу № 1–203/2017. – «Росправосудие».